

The poster features three men in military uniforms. The central figure is a man with light brown hair and blue eyes, looking directly at the viewer with a serious expression. He is wearing a dark green military uniform with a high collar and several medals on his chest. To his left is a man with dark hair and a beard, looking slightly to the side. To his right is a man with dark hair, also looking slightly to the side. The background is dark with some orange and yellow light effects, possibly representing fire or a dramatic setting.

Андрей Булычев

ЕГЕРЬ
ИМПЕРАТРИЦЫ

ГВАРДИЯ, ВПЕРЁД!

Егеръ Императрицы

Андрей Булычев

**Егеръ императрицы.
Гвардия, вперёд!**

«Автор»

2023

Булычев А.

Егерь императрицы. Гвардия, вперёд! / А. Булычев — «Автор»,
2023 — (Егерь Императрицы)

Как ни пытались союзники Османской империи заставить её воевать дальше с Россией, но проигравшая все большие сражения на земле и на море Блистательная Порта запросила мира, который и был заключён в декабре 1791 года в Яссах. – Тут, на Дунае оставят турку стеречь или на Кавказскую линию погонят? – гадали егеря-волкодавы. – А может, вообще в Польшу мятежных ляхов по лесам гонять? Без дела уж точно не оставят! А где-то в далёком Санкт-Петербурге рука государыни уже выводила пером на белоснежном листе: «Повелеваю отдельный особый полк егерей направить для прохождения службы от Дуная в...»

Содержание

Часть I. Передислокация	5
Глава 1. В лагере Южной Дунайской армии	5
Глава 2. Парад – дело серьёзное!	14
Глава 3. Хитрый план	19
Глава 4. Засада	24
Глава 5. Ура господину подполковнику!	33
Глава 6. Виктория!	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Булычев

Егерь императрицы. Гвардия, вперёд!

Часть I. Передислокация

Глава 1. В лагере Южной Дунайской армии

– Да бери уже всё, чего ты копаешься?! – Хмурый пожилой каптенармус сдвинул в сторону на деревянной приставке поясной ремень, патронташ на широкой перевязи и кожаные ремни для тесака. – А ну-ка фузею с плеча скинь, дай гляну её!

Семён снял ружьё и протянул его интендантскому унтеру.

– Ух ты, какое антиресное. Не на-ашенское, – протянул тот, с интересом его осматривая. – Клеймо-то здесь каковское, ни разу я ещё такого не видал, – он поковырял ногтем оттиск на казённой части у самого замка. – Цифиры-то да, они понятные, а вот чего тут буквами начертано, никак не уразумею.

– Прусская фузея, при ихнем короле Фридрихе Втором ещё она сделана, – шмыгнув носом, ответил егерь. – Вот тут как раз и прописано по-иноземному, ну а цифиры, они, стало быть, про то, когда она сработана ремесленными была. Мне её год назад капрал мой, Тихон Мухин, во владение передал, а сам он теперяча с нарезным штуцером ходит.

– Ну-ну, прусская, значит, – уважительно протянул каптенармус, – а я-то смотрю, ну никак на нашу тульскую не похожа. Ладно, чего уж тут говорить, обихожена, смазана. Сколы на прикладе, видать, были, так ты затёр, загладил их. А это тут чего такое? – ковырнул он по заусенцам на стволе.

– Дык это от сабель басурманских, Селантий Иванович, – пожал плечами Семён. – Когда турку на штык брали, маненько поозоровал он, посёк вот дуло, пока не угомонился.

– Поозоровал, – проворчал неодобрительно ветеран. – Аккуратнее нужно, Шевцов, вещь-то казённая. По замку бы хлестнул, всю механизму мог бы порушить, особенно ежели ятаганом. Ну, чего, теперь только если затирать. Аккуратненько эдак, без дури. Вон, к оружейному Афанасьеву Василию подойдёшь, он тебе и подскажет как. Так, ну а по ремню чего сказать, хороший ремень, послужит он ещё. Войлоком пройдишь, потри его, повохри, значит, обильно, ну и перетопленным ружейным салом с воском потом по верху пройдишь. Вид у него потом не хуже нового будет. И всю эту ременную амуницию тоже так же обиходи, – кивнул он на столешницу. – Старую только потом не забудь сдать, у неё срок ещё не вышел. Это вот вас балуют, которые при посольских будут стоять, меняют всё на новое, а кому-то ведь придётся и сданную брать на донос. Так что в порядок всё приведи. Коли худая она будет, велено её не принимать, а старшему каптенармусу о небрежении сдатчика докладывать.

– Понял я, Селантий Иванович, – кивнул егерь, – сегодня уже не успею. С вечера мне в посольский караул вставать. Завтра если только.

– Ну ладно, пушай завтра, – согласился каптенармус. – Только гляди не затягивай. И вот тут на бумаге роспись о получении ставь.

Семён взял лежащее рядом со стопкой листов перо и макнул его в тёмно-зелёного стекла чернильницу. Высунув от усердия язык, вывел на месте галочки три первых буквы своей фамилии.

– О как, даже вкось не пошёл, и без кляксы, – хмыкнул каптенармус. – Видать, хорошо господа офицеры вас грамоте учат. Ладно, ступай, Шевцов, следующего зови. Кто там у нас? –

Он глянул в лист и зачитал по слогам: – Баклушин Иван. Пущай заходит. Только не забудь, Шевцов, – старую ременную амуницию завтра до «вечерней зори» от тебя жду!

По всему протяжённому лагерю русской Дунайской армии, стоящей возле Галаца, шла суета. Роты, эскадроны, отдельные команды, батальоны и полки готовились к проведению парада, назначенного светлейшим князем на послезавтра. Парад – дело нешуточное. От того, как ты своё воинство людям начальственным покажешь, такое и у них к тебе отношение будет.

– Хорошо воевал полк? Пустое! Они у тебя ходить не умеют и строевым экзерцициям не обучены. Плохой полк!

Это все знали. Вот и стоял гомон над военным станом. Полковые командиры накручивали господ офицеров, те давали разнос унтерам, и уже за всё отдувались солдаты.

– Ты чего так долго, Шевцов?! – крикнул от длинного ряда палаток старший ротный унтер. – У нас уже два построения было! Рота ногу устала тянуть в строевой ходьбе, а тебя всё нет и нет! Капитан-поручик пятерым увальням штрафные караулы успел выписать.

– Авдей Никитич, да мне с вечера к посольским шатрам вставать, а на самом параде как бы возле иноземцев пребывать, а не в парадном строю, – оправдывался Семён. – Ну какая там строевая ходьба? Мы же с отделением вроде как при посольстве.

– И чего, что при посольстве?! – нахмурился сержант. – Особенные, что ли, вы такие? Вся рота вона к параду готовится, и вы тоже, значит, давайте. Помимо караульной службы, само собой. А то кто его там знает, вдруг начальство передумает и в общую коробку всех поставит, а ты нам всей шеренге ровный шаг собьёшь! Иди, Шевцов, не болтай, – махнул он рукой. – Мундир вон свой выбей, запылился. Сапоги тоже почисти. Через полчаса у нас опять новое построение будет.

– Ваше высокоблагородие, к вам из главного квартирмейстерства! – донёсся крик Никиты снаружи, и в откинутый полог шатра шагнул молоденький офицер.

– Здравия желаю, господин полковник, прапорщик Кузьмин! – доложил он, пристукнув по мягкой земле каблуками. – Вам письмо от главного квартирмейстера армии генерала-поручика фон Оффенберга, – и протянул Егорову свёрнутый вчетверо листок.

Алексей быстро его развернул и пробежал глазами:

«Полковнику Егорову А. П. быть у меня после вечерней зари вместе с секунд-майором Дементьевым и капитаном-поручиком Осокиным».

Подпись, число, оттиск личной печати.

– Можете быть свободны, прапорщик, – кивнул Алексей и вышел вслед за ним из шатра. – Никита, Никита! – крикнул он, оглядывая ряды шатров и палаток со стоящими подле них группками егерей.

От одной из них отделилась фигура и, топая сапогами, понеслась к полковнику.

– Вашвысокоблагородие, старший вестовой Пешков! – затараторил егерь.

– Никита, – прервал его доклад Егоров, – через четверть часа чтобы у меня в шатре были премьер-майор Гусев, секунд-майор Дементьев и капитан-поручик Осокин. Да, и капралов Мухина Тихона и Лаптева Ивана из отборных стрелков тоже ко мне.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие! – козырнул вестовой. – Разрешите исполнять?

– Давай, только поторапливайся, – кивнул Алексей и зашёл в шатёр. А снаружи уже слышалось: «Федот, Ильюха, – бегом ко мне! Задание срочное от господина полковника есть! Ты, Федотка, к отборным полковым стрелкам бежишь за Лаптевым, а ты, Ильюх, – к Беговским в первую роту второго батальона за капралом Мухиным. Я к штабным офицерам. Побегли, время идёт!»

Вскоре в командирском шатре собрались все, кто был нужен.

– Штуцера в кóзлы к боковому столбу ставьте и к столу проходите, – кивнул двум переминающимся у входа капралам полковник. – Смелее, смелее, – подбодрил он егерей, – давай, давай, без стеснения. Вот, рядом с Тимофеем Захаровичем на лавку присаживайтесь.

Подождав, когда все рассядутся, Алексей обвёл всех присутствующих взглядом.

– Господа офицеры, капралы егеря, собрал я вас тут всех для того, чтобы подбить всё, что у нас имеется по тому нашему общему делу, в которое каждый из вас в той или иной степени посвящен. Порученное нам дело – это охрана первых лиц воюющих империй, ведущих ныне переговоры, ну и пригляд за всеми теми, кто рядом с ними обретается. Итак, Сергей Владимирович, докладывайте сначала вы общее, а уж потом каждый дополнит сказанное от себя. Потом подобьём всё, что мы имеем, и после ужина вместе с Сергеем Андреевичем и Тимофеем Захаровичем двинем в главное квартирмейстерство.

– Ваше благородие, на посту без замечаний! – доложил поручику старший караульной тройки. – В британских какое-то шевеление, туды-сюды бегают, – кивнул он на стоящие особняком три больших полевых шатра. – Те, которые к ним позавчера приехали, всё чегой-то гремели внутри, а потом уж по лагерю пошли, – и, понизив голос до шёпота, добавил: – Ну-у, и наши особливые люди, которые тут приставлены были, тоже, стало быть, за ними потопали. Прохор поначалу тоже хотел было идти, да вот с нами остался. А я бы, коли можно было, сам бы следом за иноземцами пробежался.

Дуров окинул взглядом стоящего рядом стрелка со штуцером и задал вопрос:

– Вас же вроде для особого пригляда с нами выставили, чего же тогда не пошёл?

– Дык приметно это слишком, ваше благородие, – пожал тот плечами, – мы-то ведь уже примелькались здесь, стоя у шатров. А как за спиной им идти, так они бы меня тогда сразу распознали. Пусть уж квартирмейстерские им в спину дышат, они-то ведь совсем невидные, всё время в тени держатся. Да и не все ведь иноземцы отсель ушли, трое лишь только. А ну как тут другие чего вдруг худое затеют, а пригляда-то и нет, так что я уж лучше постою.

– Ну-ну, тебе виднее, – кивнул поручик. – У ваших капральств особое задание от господина полковника, туда не лезу. Ну а вам внимательней глядеть и не зевать! – нахмурившись, поглядел он на своих караульных. – Если кто к шатрам из чужих будет идти, то пропуск у него спрашивайте. Вы тут лица при исполнении и проверять каждого право имеете. Если что не так, печати нет на бумаге или вдруг потёртая она, сразу капрала кричите, а уж он за мной сразу пойдёт. Пошли дальше, Пахомыч, – кивнул он стоящему рядом унтер-офицеру. – Нам ещё караулы у турецких шатров проверять, а это, почитай, половина от всех выставленных.

Поручик отошёл, а Вершков, чуть задержавшись, приглушённо отчитал Южакова:

– Ты, Ванька, болтаешь лишнего много! Чего там про «следом за иноземцами бы пробежался» лопотал, а?! Какое твоё дело за ними вообще с поста бегать? Твоё – это у британских шатров стоять и строгий надзор за соблюдением порядка исполнять. А ты чего, никак караульный пост оставить удумал?!

– Дэк я же это так, к слову просто, Иван Пахомович, – испуганно втянул голову в плечи егерь. – Ну как же это можно да караульный пост свой оставить?

– Ну вот и не болтай, значиться, по-пустому, дурила, – рывкнул рассерженный унтер. – Разговорчивый ты уж больно в последнее время стал, как я погляжу! Как же, отличился в боях, старшим звена поставили! Рукав левый вон лучше отряхни, обтереться уже где-то успел, барбос! Всё, несите службу исправно, вам три часа ещё стоять! – и, развернувшись, побежал следом за дежурным офицером.

– Вот ведь язык мой – враг мой, – чертыхаясь и отряхивая мундир, бубнил Южаков. – Примечай, Кузька, краткий доклад начальству завсегда больше, чем длинный, нравится. Ты ему хочешь угодить, побольше полезного поведать, а оно видишь, как получается. Ну всё, сбил вроде грязь? – спросил он у молодого егеря.

– Да чисто уже давно, Иван Степанович, – протянул тот.

– А ну-ка тихо вы, отряхивальщики! – вдруг коротко рявкнул Прохор.

Из самого большого британского шатра выскользнул долговязый малый и, прижав подмышкой какой-то свёрток, быстро потопал в северную сторону.

Отборный стрелок окинул взглядом окрестности и, не заметив приставленных из квартирмейстерства наблюдателей, нахмурился.

– Все обормоты за теми троими увязались! Ладно, братцы, делать нечего, я за ним вдогонку, это ведь как-никак цельный секретарь главного англичанина. Ежели меня вдруг долго не будет, доложите начальству.

– Беги, Проша, – согласился Южак, – а то ведь у него ноги вона какие длинные, словно ходули, не поспеешь за ним, ежели он за тот ряд палаток сейчас зайдёт. Беги, а мы уж сами тут присмотрим.

– Заходите, господа, – адъютант откинул полу шатра, и трое егерей нырнули в хорошо освещённое масляными светильниками и свечами помещение.

– Ваше превосходительство, полковник Егоров, особый полк егерей, – представился Алексей.

– Секунд-майор Дементьев. Капитан-поручик Осокин, – доложились его офицеры.

– Присаживайтесь за стол, господа, – кивнул на лавки фон Оффенберг. – Сейчас ещё Владимир Семёнович с командиром драгун сюда подойдет, и вот тогда начинать будем.

В шатре уже сидели бригадир Баранов, статский советник Лашкарёв, штабной полковник, ещё два знакомых офицера и Митенька Толстой. Алексей подсел ближе к другу. Рядом с ним разместились и его люди.

– Что-нибудь серьёзное? – спросил шёпотом Митю Егоров. – Случилось чего?

– Сейчас сам всё услышишь, – ответил тот приглушённо. – Небось, и сам догадываешься, для чего вызвали?

– Ну так, в общем, – пожал плечами Алексей. – Если по всем собранным судить...

– Потом пошепчетесь, – буркнул фон Оффенберг. – Передайте полковнику Егорову, – протянул он бумагу стоящему рядом адъютанту. – Алексей, здесь приказ по армии, утверждённый главнокомандующим, сам ведь меня просил быстрее с этим решить. Ну так вот, передвижка на освободившиеся места вследствие увечья твоего заместителя одобрена. Секунд-майор Хлебников из командиров батальона на твоего заместителя переведён, на его бывшее место ротный Ширкин назначен, а уж на место ротного – Вестфален. Ну а полуротного ты уж сам там дальше себе присматривай. Небось, от желающих перевестись из молоденьких прапорщиков и подпоручиков отбоя сейчас нет, ну вот и пользуйся, пока вся армия в одном месте здесь собрана. Потом с этим гораздо сложнее будет.

Полог откинулся, и внутрь шатра зашли полковники Озеров и Остен-Дризен.

– Поручик, выйдите и наружному караулу прикажите, чтобы он более никого сюда не пускал, – кивнул в сторону полога барон. – А дежурному капралу там подскажите, пусть он внешнее оцепление подле шатра усилит.

Адъютант понятливо кивнул и выскочил на улицу.

Генерал подождал, пока рассядутся вошедшие, открыл объёмную папку с бумагами и оглядел всех присутствующих.

– Господа, я смотрю, все на месте. Пожалуй, теперь и начнём. Итак, наша армия сокрушила противника на правом Дунайском берегу, войска генерал-аншефа Гудовича у Кавказских гор, и стало совершенно очевидно, что далее сдерживать нас турки, задумай мы поход за Балканы, не сумеют. Сухопутные войска султана деморализованы и желанием воевать с нами не горят. В Османских провинциях уже второй год идут бунты, казна Блистательной Порты пуста, все государственные дела расстроены, одна лишь надежда на свой флот у Селима Третьего

оставалась. Да, да, да, – прищурился он, – это же турки! Вы что же думали, коль они у Галаца переговоры начали, так и всё, выдохнуть можно? Теперь конец всякой войне? Как же! Конечно! Какая уж там, на Кавказе, армянская пословица по этому поводу есть? – повернулся он к статскому советнику.

– Имеешь дело с турком – не выпускай палку из рук, – усмехнулся тот¹.

– Вот-вот, самое то-о! – воскликнул генерал-поручик. – Видно, и матушка императрица с этой пословицей знакома, иначе бы туркам удалось задуманное. Господа, пока мы тут вели переговоры о мире, османы собрали большую эскадру около Стамбула и отправили её в направлении нашего Крыма, намереваясь сжечь там наш, уступающий им числом Черноморский флот, а потом ещё и высадить свой десант на полуострове. Адмирал Ушаков дал противнику решительный бой подле мыса Калиакрия и наголову его разгромил, разметав остатки по всему Чёрному морю. Как передала наша агентура из османской столицы, флагман Капудана-паши в самом жалком состоянии еле смог добраться до Стамбула. Вслед за ним в Константинопольский канал подтянулись ещё шесть весьма повреждённых судов. «Адмиральский корабль тонул и просил помощи», – смаковал фразу из донесения барон. – На берегах Дуная об этом кроме здесь присутствующих знает лишь один светлейший, ну и экипаж того самого галиота, который привёз нам сию радостную весть. Судно, кстати, по указанию князя поставили в дальний затон под карантинный караул, дабы матросы раньше времени не разболтали о морской победе. Так что для турок-переговорщиков вскоре будет ещё один серьёзный конфуз, ну а у нас лишний козырь. Но это всё присказка, а вот теперь, господа, мы переходим к самому главному. Уступки генерал-аншефа Репнина туркам на переговорном процессе князем Потёмкиным признаны в корне неверными. Проект мирного договора, подсунутый Николаю Васильевичу главным драгоманом Порты, светлейший прилюдно изорвал и велел перенести переговоры в Яссы. После-завтра с утра состоится большой парад, и постепенно все, кто так или иначе вовлечён в дипломатическую работу, будут убывать к новому месту их проведения. И вот тут для нас могут появиться серьёзные угрозы. Сергей Лазаревич, у вас есть что сказать собранным мной офицерам? – повернулся он к статскому советнику. – Может быть, им тоже стоит знать, что же происходит сейчас в высших дипломатических сферах?

Лашкарёв помолчал и заговорил негромким, глухим голосом, тщательно подбирая слова:

– Из европейских столиц в Стамбул идёт поток депеш о поддержке Блистательной Порты в противостоянии с Санкт-Петербургом. Всё это время турки тянули время в надежде, что на их стороне открыто выступит извечно враждебно настроенная к России объединённая Европа. Главными зачинщиками здесь выступают Британия и Пруссия, весьма обеспокоенные усилением нашей империи. Все остальные страны у них на подпевках и больше лают со стороны, прячась за сильными. Нашей императрице были предъявлены ультиматумы об отводе войск с Дуная. Готовились и сухопутные силы вторжения, и флот для открытия военных действий против нас на Балтике. Но все вопросы нашим дипломатам удалось решить мирным путём, и кризис с западными странами, как нам кажется, в итоге миновал. Поняв, что никто в европейских столицах по-настоящему воевать с Россией не собирается, султан склонен идти на уступки и заключить с нами мир. Вопрос остаётся только лишь в том, на каких условиях, и вот тут уже начинается самое интересное для нас с вами, господа. Турки, как вы и сами знаете, ещё те торгаши, и просто так своё они не уступят. Подогревают их в этом и их союзники, в коих они недостатка здесь в лагере не испытывают. Так что решение его светлости князя Потёмкина Таврического о переносе переговоров на север, в Яссы, я считаю шагом правильным. Не подумайте, что оно было принято им в эмоциях и в горячке. Генерал-фельдмаршал – весьма искушённый в таких делах человек, и тот демарш, который он провёл при оставленном на пере-

¹ Сергей Лазаревич Лашкарёв родился в Москве, в обрусевшей семье грузинского князя Лазаря Григориевича Лашкарашвили.

говорах главном драгомане Порты князе Мурузе, совершенно не случаен. Уж слишком резко турки начали отыгрывать для себя ранее утраченные позиции. А позиции-то у них весьма слабые, – покачал он головой. – Проигрыш в военных действиях на Кавказе и Дунае, нерешительность союзников, а тут не сегодня так завтра они ещё и о поражении на море узнают. Самое время их дожимать. Вот и переносит дальнейшие переговоры Григорий Александрович к нам, в Яссы, вглубь занятой войсками территории. Туркам деваться некуда, господа. Скажу вам по секрету, у нас есть достоверные сведения о том, что султан поставил непереносимое условие визирю заключить мир в этом году. Продолжение большой войны его империя уже просто не вынесет. Мы, дипломаты, готовы продолжить бороться и в успехе нашей стороны не сомневаемся. Россия закрепит военные победы, приобретёт новые земли и получит так нужный нам для внутреннего устройства мир. Мир нужен не только нам, нужен он и туркам, уставшим от потерь и поражений в этой тяжёлой и долгой войне. Но этот мир не нужен нашим недоброжелателям на западе. Парадокс, но им не нужна как сильная и самостоятельная Россия, так и сильная, независимая Турция. А значит, надобно делать что? Правильно, нужно сделать всё, чтобы кровопролитная, долгая и изнурительная война продолжала ослаблять обе империи и дальше. Дипломатическим путём у них это не получилось, матушка императрица отказалась от любого посредничества и повелела переговоры вести напрямую с представителями Блистательной Порты. Значит, можно ждать каверзы от другой стороны, дабы их сорвать. Но тут я уже передаю слово, господа военные, вам.

– Сергей Николаевич, что скажете? – дал слово начальнику особого отдела барон. – Есть ли что-нибудь новое по вашей линии? Толстого мы спрашивать не будем, он и так под вашим руководством действует и всё вам напрямую докладывает.

– Так точно, ваше превосходительство, я сам доложусь, – кивнул бригадир Баранов. – При ставке главнокомандующего Южной дунайской армии, как вы и сами знаете, в самом начале этой войны было всего семь иностранных военных представительств. Французы своего атташе после их этой самой революционной чехарды отозвали. Густав Третий Шведский, замирившись, своего представителя к нам пока ещё обратно сюда не вернул. Так что теперь у нас осталось всего пять представительств. Это, собственно: испанское, австрийское, польское, английское и прусское. Вот как раз последние два и заслуживают нашего особого, пристального внимания. Подозрительная возня у пруссаков с британцами началась сразу же после взятия Измаила и после наших апрельских Дунайских поисков. И до этого они, конечно, были достаточно активны, суежились, депеши к себе в столицы и к туркам слали, ну а тут уже совсем зашевелились. Практически каждые две недели прискакивал к ним курьер из своего, Санкт-Петербургского посольства, а то и напрямую по Варшавскому тракту из столиц. После Мачинского сражения и появления у нас в Галаце турок-переговорщиков барон Корф и Джон Хобарт из шатров у них не вылезали, всё чего-то они решали там. Наши агенты докладывали, что добрая половина дипломатической почты, уходящей из Галаца к визирю и далее к самому султану, составляли их бумаги. Две недели назад с последним британским курьером заехала сюда большая партия золота, после чего турки начали резко и особенно упорствовать на переговорах. Генрих Фридрихович, помните, мы ещё с вами удивились, как это они так, ни с того ни с сего, вдруг переменили свою позицию? А потом ещё этот странный финт с заменой основного переговорщика на главного драгомана Порты князя Мурузи, и выдвижение им совершенно неприемлемых для нас условий. Всё говорит о том, что всё это звенья одной длинной цепи. За англичанами и пруссаками были выставлены для постоянного и негласного наблюдения особые наши люди, которые ни на миг не оставляли их своим вниманием. Приставили их и к другим иностранным представительством, но сами понимаете, в моей службе людей не так уж и много, поэтому тут нам больше уже на егерей пришлось опираться. В общем-то, всё шло по давно предсказуемому пути, Корф и Хобарт подстрекали турок к продолжению войны, плели интриги и одаривали нужных им людей золотом. Турки получали подарки и давили

во время переговоров на нашего главнокомандующего. Репнин Николай Васильевич делал им одну уступку за другой, желая заключить поскорее хоть какой-то мир. И тут вдруг появляется князь Потёмкин, одним махом разрушив всю выстраиваемую хитроумную конструкцию. Перед главным драгоманом Порты встаёт дилемма: прерывать переговоры, а значит, воевать дальше, или же продолжать их и далее, но уже на новых условиях светлейшего. Война туркам, после череды поражений, нужна ещё менее, чем нам. И вот он итог, господа, – главный драгоман отозван, и султан вновь назначает для продолжения переговоров своего визиря Юсуф-пашу. Об оном Потёмкиным только что получена из Стамбула депеша, в которой написано, что всё высказанное ранее драгоманом было его личной инициативой. Блистательная Порта приносит свои глубочайшие извинения русской стороне и согласна на продолжение переговоров в Яссах. Таким образом, господа, наши позиции вновь окрепли. Британский и прусский атташе, видя, что турки в них более не нуждаются и воевать более не хотят, и что дело склоняется к реальному миру, уже устроили им демарш. Понять их можно – казённое золото потрачено, а нужного результата нет, боевые действия заканчиваются, русские готовы закрепить за собой отвоёванные земли и усиливают свои позиции в Причерноморье. Да и вообще, такой мир очень серьёзно усилит позицию нашей империи в глазах дипломатии всех стран. Для Берлина и Лондона это просто какой-то ужас! За такое упущение Джона Хобарта и барона Иоганна Альбрехт фон Корфа, я думаю, на родине по голове уж точно не поглядят, как минимум бесславный конец всей их карьеры им теперь обеспечен. Так что у них остаётся последнее, что ещё может сорвать назначенные в Яссах переговоры, – это, собственно, провокация. Да, господа, кровавая и громкая, такая, как нападение и убийство высокого чина из османской делегации на нашей, на российской территории. И вот тут уже вина за произошедшее может целиком лечь на нас. По охране турок в лагере никаких вопросов нет, егеря Алексея Петровича и мои люди держат всё под своим неусыпным контролем. При переезде из Галаца и до наших передовых пикетов на правом берегу Дуная всех посольских плотно сопровождают драгуны Александра Карловича. Дальше их на своей территории уже охраняют османские сипахи. Здесь ничего плохого случиться не должно. Нападать на османской территории? Зачем? Нет, не думаю, – покачал головой Баранов. – Понимаете, нашим неприятелям нужно что-то такое резонансное, что-то ужасное, то, что разнесётся громкой вестью по всей Европе и в чём можно будет потом обвинить русскую сторону. И самое удобное здесь, как мне кажется, это переезд турецких дипломатов к месту продолжения переговоров в Яссы, где и можно устроить кровавую провокацию.

– Позвольте, Сергей Николаевич, – перебил бригадира Давыдов. – От Галаца и до Ясс вся дорога проходит по занятой нами земле, только на западе, вдоль реки Серет и не ближе, как в ста верстах от неё, по своей земле австрийские разъезды проходят. Цесарцы, конечно, уже нам далеко не союзники, но и не враги. Вряд ли они смогут пропустить через себя большое войсковое подразделение на нашу сторону. Да и наши казачьи разъезды вдоль Серета тоже ведь проезжают и наблюдение ведут. Слишком всё это рискованно. А с востока от дороги буквально в нескольких вёрстах уже полноводный Прут протекает, и это давно занятая нами земля. Уж с этой-то стороны врага нам точно не стоит ждать. О каком же нападении тогда вообще может идти сейчас речь? Посольский поезд у турок и сам довольно-таки представительный. Заявлено, что в нём будет более четырёх сотен людей. Восемь карет, двадцать открытых повозок, а все остальные проедут верхоконными. Нужно ещё учесть, что в охране у визиря две отборные сотни сипахов. И у нас тоже будет целый полк драгун, а к тому же ещё и стрелки Егорова. Чтобы на открытое нападение решиться, надобно иметь примерно равное числом войсковое подразделение, ну хотя бы один кавалерийский полк. Решительно не понимаю, как тут вообще такое возможно? У пруссаков и британцев здесь от силы пара десятков крепких людей имеется. Ну, хорошо, предположим, сторгуются они с валахами, подкупят, скажем, золотом тех же арнаутов. Но это ведь опять же не регулярные войска, а самая настоящая банда. Да нам

о таком сговоре сразу станет известно! У вас есть сведения о подобных попытках, господа? – посмотрел он на Баранова и Толстого.

– Да кто же тут, Владимир Семёнович, об открытом войсковом нападении вообще говорил?! – воскликнул бригадир. – Такое даже и в расчёт нами не бралось. Тайное, скоротечное нападение из засады и потом уход от погони. Вот что мы предполагали. Нет, мы, конечно, просчитываем любую возможность и даже заход к нам отряда из-за Серета, но это очень маловероятно. Тем более после полученных, причём совсем недавно, новых сведений от наших наблюдателей и агентуры. Генрих Фридрихович, дадим слово командиру егерей?

– Говорите, господин полковник, – барон кивнул Алексею.

– Моими караульными и скрытыми постами было установлено, что за последние две недели в Галац заехало тринадцать представителей иностранных западных государств, – начал свой доклад Егоров. – Из них восемь – это пруссаки и британцы. Выехало из Галаца пять, и все они австрийцы и поляки. Из захавших к нам пятеро прибыли на английской шхуне *Bluenose*². Капитан её, регистрируясь у коменданта порта в Галаце, заявил, что он прибыл из Стамбула с дипломатическим грузом для находящейся при нашей армии британской миссии. Действительно, три нанятые подводы перевезли этот груз в лагерь, сделав каждая по два рейса. Остались в нашем лагере и те пятеро англичан, что приплыли, здоровые крепкие детины. Я проверил, в письме, представленном атташе Джоном Хобартом на их пребывание у нас, заявлено, что они слуги.

– Так и есть, – кивнул Давыдов. – Процедура обычная, не дать разрешения на то, чтобы они здесь оставались, мы не могли, это могло бы вызвать дипломатический скандал. Вы же знаете Хобарта, он бы и нас, и самое высокое начальство после того нотами протеста засыпал.

– Продолжайте, Алексей Петрович, – прервал своего заместителя фон Оффенберг. – К вам, Владимир Семёнович, у нас никаких претензий нет.

– Шхуна *Bluenose* стоит в порту, в боковом затоне, никуда она за всё время стоянки не отходила, – продолжил Алексей. – Но разрешение на её отплытие капитан уже заранее испросил. Что интересно, стоит она под якорем уже пятый день, и ни один человек команды, кроме самого капитана и его первого помощника, на берег пока не сходили. Все матросы находятся на борту, и даже высаживая своё начальство в порту, они сразу же отходят на шлюпке обратно к кораблю. Очень это не характерно для тех, кто провёл достаточно много времени в плавании. Не находите, господа? Да и вообще, ведут себя матросы молчаливо и сдержанно. Наши моряки из Де Рибасовской флотилии пытались с ними у причала заговорить или когда они мимо на судах проходят, так те молчат все как рыбы, хмурятся.

– Ну, это ещё ни о чём не говорит, – хмыкнул Лашкарёв. – Учитывая, что их страна остановилась в каком-то шаге от войны с нами. Может, у них там особое указание от капитана имеется – избегать любых с нами контактов.

– Вот именно про это мы тоже так и подумали, – согласился с ним Егоров. – Как минимум ясно то, что они настороженно себя с нами ведут. По перевозимому грузу сказать конкретного ничего не могу, близко к повозкам моим людям незаметно подойти не удалось. Каждый раз перед ними оказывался кто-то из той пятерки, которая прибыла на шхуне. Было несколько бочек, какие-то тюки, ящики, мешки и корзины. То есть, по сути, провезти там можно было всё что угодно. Это по британцам. Заехало ещё и трое пруссаков. Они прибыли к нам сухопутным путём по большому почтовому тракту через Черновцы, Лемберг³ и Варшаву. И вот тут уже одним из моих капралов была отмечена некоторая особенность их груза. Каждый из них вылезал из кареты с каким-то тяжёлым предметом, который был забран в приличных размеров кожаный чехол. Мой капрал уверяет, что когда при их высадке кони дёрнули повозку, один из

² С англ. – «Синеносая».

³ Львов.

прибывших вдруг выронил свою ношу на землю, и до егерей донёсся явный металлический стук. Он божится, что уж больно это было похоже на стук ружья. И самое интересное, при них уже и так были самые обычные пехотные фузеи, перекинутые на ремне через плечо, что в общем-то обычное дело, учитывая долгий и непростой путь.

– Может, они у тебя, Алексей, по звуку даже различают, какое именно ружьё там было в этом чехле? – усмехнулся командир драгун. – Фузея, кавалерийский карабин или, скажем, тот же нарезной штуцер?

– Александр Карлович, в десяти шагах от тебя лошадь со сбитой на одном копыте подковой пройдёт, ты различишь, что у неё не так? – задал вопрос командиру драгун Егоров.

– Конечно различу! – воскликнул тот. – Я и с гораздо большего расстояния и даже с закрытыми глазами, на слух, и на какой ноге она сбита, тоже весьма уверенно скажу, – заявил Остен-Дризен. – Так я ведь как-никак есть потомственный кавалерист, и скоро уже три десятка лет сам в седле!

– Ну вот, а мои егеря ни на минуту из рук свои ружья не выпускают, спят, едят, живут они с ними! – воскликнул Алексей. – Как часть самого стрелка их штуцера или фузеи для них становятся. Так что я своему капралу верю, и для меня теперь становится интересно – зачем же им вести сюда оружие скрытно в чехлах, когда у них и так оно уже при себе было? Понятно, что в дороге всякое может случиться, оттого и фузеи у них при себе. А что же тогда всё-таки там упаковано было?

– Да-а, вот и мне очень интересно, – постукивая пальцами по столешнице, проговорил негромко фон Оффенберг. – А ещё интереснее через два дня будет, когда посольский поезд начнёт собираться в Яссы. Хотел было я попытаться уговорить светлейшего чуть задержаться с его отъездом, но он непреклонен. Говорит – сначала парад и на следующий день после него отправка безо всякой задержки. Нельзя, дескать, туркам время давать. Нужно их скорее дожимать, тем более вот-вот сюда весть о победе Ушакова на море подойдёт. Так что, господа, времени у нас мало, давайте вместе думать, какие опасности грозят нам в нашем деле и что мы можем с этим поделать.

Глава 2. Парад – дело серьёзное!

До полуночи, а в каких подразделениях и до самого утра, готовились войска к предстоящему действию. Солдаты штопали стиранные мундиры, чистили до блеска сапоги и потом смазывали их салом – «чтобы морду было видно в носке». Вохрили кожу амуниции земляной краской. Натирали толчёным кирпичом и мелом пуговицы и пряжки – «чтобы на солнце огнём горели!» Стригли и брили друг друга по очереди. А ведь была ещё и забота обиходить всё своё оружие, как огнестрельное, так и холодное. Кавалерии надлежало прибрать лошадей, барабанщикам и трубачам – свои инструменты, а помимо всего этого ещё и о господах офицерах следовало позаботиться, ибо им самим это совсем не с руки было. У них ведь и своих забот хватало: смотреть, дабы их нижние чины дурью не страдали, а серьёзно бы к главному войсковому действию готовились. А главное военное действие, оно какое? Война? Не-е, война это само собой, это как караул стоять, как кашу варить или как ретраншемент копать. Это как сама жизнь солдатская, долгая она или короткая, как уж тебе господь положит. Главное же военное действие – это парад. Когда на короткий миг твоего лица взгляд самого большого военного начальника коснётся, а может, даже и вовсе не коснётся, но уж твой-то плутонг, роту или эскадрон он непременно увидит. И скажет эдак стоящему по соседству генералу: «А хорошо же гренадёры наши топают, ажно земля от их шага трясётся! Добрый, справный полк!»

А может, и не скажет так. А может, напротив, нахмурится и кивнёт эдак презрительно: «Да кто же это ходит так? Не-ет, плохой полк, какой уж у него там командир? Совсем он, похоже, подлец, свою службу не знает!» А оно вот полковнику надо?

Так что готовились к параду усердно.

– Да сними ты Кагульскую медаль, – посоветовал Гусев, усердно начищающий суконкой горжет. – Опять ведь какой-нибудь умник будет потом придираяться, что ты солдатскую награду рядом с офицерскими крестами носишь.

– А вот не надо завидовать! – хмыкнул Лёшка, налегая на свою тряпицу. – И вообще она у меня не солдатская, а унтерская, та чуток поменьше будет. Я тогда, Серёга, цельным плутонгом командовал – не хухры тебе мухры. Вон Георгия своего лучше полируй, какой-то он засаленный у тебя, что ли.

– Чего-о-о?! – возмутился сидящий на скамейке перед растянутым мундиром подполковник. – Скажешь тоже! Нацепил вон орденов полную грудь и важничает теперь. Ещё и медаль туда же к ним ладит. Мало всё ему!

– Орденов много не бывает, – протянул Егоров, трогая ногтем скол на серебряном кругляше. – Скоро у всех ещё прибавится, ежели, конечно, завтра мы перед светлейшим не опозоримся. А медаль эта мне особенно дорога, она мне жизнь однажды спасла. Как же это я её, да при таком важном случае не надену?

– Ваши высокоблагородия, сабли, – Никита шагнул с улицы в шатёр и протянул два вставленных в ножны клинка. – Сейчас ещё немного, и всю амуницию вам занесём, маненько совсем осталось. Господин полковник, там на эфесе лента надорвана была, Ильюха постарался её осторожно эдак сшить, но у нас тут только лишь белая с чёрной нитки были. Вы уж не сердчайте, если что не так.

– Да ничего, Никит, аккуратно получилось, – кивнул Егоров, осматривая Георгиевскую ленту на темляке наградной сабли. – Сами-то успеваете себя обиходить?

– Так точно, вашвысокоблагородие, – кивнул старший вестовой, – успеем. Чего там, у нас, если что, вся ночь впереди. Сейчас Ильюха с Матвеем вот с ужином управятся, а там и на стол будем накрывать. Часик изволите подождать?

– Да вообще не к спеху, – отмахнулся Алексей, – не спешите. Мне ещё на развод караулов выходить, как раз вовремя мы с мундиром закончили.

– Командир полка у себя? – донеслось с улицы, и в открытом проёме шатра мелькнула знакомая фигура.

– Заходи, Тимофей Захарович, – позвал командира дозорной роты Егоров. – Ты чего это такой взволнованный? Случилось что?

Осокин обвёл внимательным взглядом всех присутствующих и, наклонившись к уху Алексея, приглушённо доложил:

– Господин полковник, британская шхуна снялась с якоря и пошла вниз по течению.

– Когда это случилось?! – вскинулся Алексей.

– Не более получаса назад, – ответил капитан-поручик. – У меня трое в роте хорошо с лошадьми управляют. Вот я их во главе с Аникеевым и послал за ней проследить. До ночи, не более, а потом, если шхуна дальше Прута уйдёт, чтобы они обратно возвращались. Можно было бы, конечно, казаков или драгун попросить, но вы же сами говорили, чтобы лишних не посвящать, да и неразворотливые какие-то они. Когда бы ещё собрались! А мои только суммы с провиантом к седлу приторочили – и вдогон сразу.

– Всё правильно сделали, Тимофей Захарович, – похвалил главного своего разведчика Егоров. – Странно это, конечно, ничего ведь не предвещало отход шхуны. Могли бы и завтра утром отплыть, зачем было так спешить и в ночь уходить? Ничего эдакого наш караул не заметил?

– Там вот старший его на улице, – кивнул себе за спину Осокин, – тоже с докладом прибежал. Может, я приглашу, господин полковник?

– Давай! – махнул рукой Алексей.

– Вашвысокоблагородие, капрал Шилкин!.. – рявкнул егерь, заскочив в командирский шатёр.

– Тихо, капрал, – остановил уставной доклад полковник. – Ты ведь сам при отправлении британской шхуны на пристани был?

– Так точно, вашвысокоблагородие! – кивнул тот. – У меня трое егерей в карауле стояли, и ещё двое со штуцерами скрытно в наблюдателях сидели. Помимо нас там ещё целый плутонг со второго батальона был. Но у нас-то своя, особливая задача – за этим кораблём внимательно смотреть. Вот потому и я неотлучно там был.

– А скажи-ка мне, братец, ничего такого интересного не происходило сегодня со шхуной? – спросил Егоров. – Всё-таки давно она уже на якорях в затоне стоит, примелькалась поди, всё одно и то же всегда, а сегодня, может, вдруг чего-то по-другому было?

– Да до обеда всё как обычно вроде, – почесал затылок Шилкин. – А потом, как только ветер на южак переменился и посильнее задул, забегали там на палубе, ну и лодочка от шхуны к берегу пошла. Капитана и ещё одного длинного она высадила на пристань и, как обычно, обратно к кораблю.

– А потом что? – поинтересовался Егоров.

– Как и было приказано, один из моих штуцерников, Евсей Колунов, за этими двоими пошёл, ну и через пару часов с ними же обратно на пристань вернулся.

– Та-ак, пара часов, – задумчиво проговорил Алексей. – И были они в лагере, в британских шатрах?

– Так точно, в них, – кивнул капрал. – Евсей рассказывает, что напрямик туда они отправились и наружу долго не выходили. Ну а потом, значит, на пристань возвратились, пома-хали с неё, с корабля лодочка сразу подгрёбла и забрала их. И тут же матросы забегали, паруса начали поднимать, якорь со дна вытащили. Я, как только это увидел, сразу же к господину капитану-поручику гонца отправил. Как и приказано было, с вестями о шхуне. Ну, потом он сам прибежал, а шхуна уже вниз по течению из затона пошла. Вроде всё.

Что-то такое крутилось в мозгу у Алексея, всё цепляла словно какая-то заноза. Что же его могло насторожить, за что это он мог зацепиться в рассказе егеря? Что могло способствовать

перемене в привычном уже укладе шхуны при её долгой стоянке? Почему она вдруг так резко снялась с якоря? «До обеда всё как обычно, а потом, как ветер на южак переменялся и сильнее задул, на палубе забегали и выслали лодку с капитаном к берегу», – всплыло сказанное только что капралом.

– А что это за южак? Ветер с юга, как я понимаю? – Алексей посмотрел вопросительно на Осокина.

– Так точно, Алексей Петрович, он самый, – кивнул тот. – Наши по привычке его так называют. До этого ведь безветренно было, солнце изрядно пекло, а сегодня вот ветерок хороший задул, даже и дышать легче стало. И ведь верно Шилкин подметил, как раз после обеда он усилился.

«Смена ветра, его усиление... – перебирал в голове Егоров. – Может это как-то повлиять на принятие решения об отплытии? А почему бы и нет. Попутный ветер? Так, если южак это ветер попутный, то куда он должен помогать плыть судну? На север? Логично. Только вот этот вариант уж точно не для Дуная, он с запада на восток течёт? Тогда для чего? Какие ещё неподалёку от Галаца полноводные пути имеются? Прут! – всплыло в мозгу. – Судоходная река, впадающая в Дунай и идущая почти строго с севера на юг. И что самое интересное, почтовый тракт на Яссы проходит совсем неподалёку от неё. А вот это уже очень интересно!»

– Спасибо, капрал, – поблагодарил старшего караула Егоров. – Всё, можешь быть свободен. Тимофей Захарович, как только будет известие от наших егерей, тех, что ускакали за шхуной, сразу же напрямую мне докладывайте. Ну а я, пожалуй, до главного квартирмейстера прогуляюсь, – и потянулся за егерским доломаном.

– Раз, раз, раз-два-три! Раз, раз, раз-два-три! – обернув голову назад, задавал счёт Алексей.

Сводная колонна полка, выстроенная по восемь человек в шеренгах, маршировала на одном месте. Прямо за командиром, в голове колонны топала и знамённая группа. Ветерок раздувал вверх стяг егерей. Впереди ждала своей минуты колонна Приморского гренадёрского полка, а перед высоким начальством и приглашёнными уже шёл Херсонский.

«Эх, неудачная расстановка, – хмурился Алексей. – С гренадёрами не очень-то в строевой выправке потягаешься!»

– Раз, раз, раз-два-три! Раз, раз, раз-два-три!

Частокол штыков впереди заколыхался, дёрнулся крайний ряд спин, и Приморский гренадёрский полк, слаженно чеканя шаг, пошёл вперёд.

«Ну ладно, глядишь, не опозоримся!» Лёшка выдохнул и, рассчитав расстояние до впереди идущих соседей в два десятка сажений, громко скомандовал:

– Полк, пря-ямо! Раз, раз, раз-два-три! Раз, раз, раз-два-три! – Топали восемь сотен егерей. Подошвы их укороченных сапожек с силой били по земле, поднимая пыль. Левая рука зажимает ружейный приклад снизу, правая делает отмашку. Громко бьют барабаны, задавая ритм строевого шага. – Раз, раз, раз-два-три! Раз, раз, раз-два-три! Сми-ирно!

Егоров вырвал саблю из ножен. Топот ног за его спиной стал ещё громче.

– Равнение напра-аво!

Голова повёрнута вбок и чуть задрана вверх. Левая рука прижата к бедру, правая, согнутая, параллельна земле, локоть прижат, клинок сабли направлен остриём вверх. Кисть темляка с Георгиевской лентой так и порхает под ритм шага.

В идущей ровными рядами колонне егеря по команде перехватили ружья в положение «перед собой» из положения «на плечо», зажимая правой рукой цевьё. Все головы, кроме правогофланговых, повёрнуты в сторону сколоченных трибун, глаза, что называется, «едят» высокое начальство, его – самого главного, князя Потёмкина-Таврического.

– Гренадёры пободрей вроде шагали, – проговорил стоящий в свите Голицын. – Есть над чем ещё поработать Егорову. Вон как перед ним у Морокова ножку тянули.

– Так у них и ножки-то покороче, Иван Фёдорович, – усмехнулся Репнин. – Егеря ведь статью не то что в гренадёры, но даже и в мушкетёры не вышли. А вот штыки у кого какие, то гранёные они, то вон клинковые. Никакого единообразия нет. Уж можно было бы на парад с единообразной фузеей всем выйти!

– Однако, мне доложились, что неплохо они тут за Дунаем воевали? – проговорил Потёмкин, вглядываясь в егерей. – Что скажешь, Николай Васильевич, или не верно это?

– Никак нет, ваша светлость, всё правильно доложились, – замялся тот. – Полк Егорова, он, конечно, боевитый – вон как под командованием генерала Голицына храбро в Дунайских поисках действовал. Потом и у Кутузова егеря не оплошали, да и под Мачином, молодцы, отменно они в баталии действовали. Им бы ещё строевую выучку немного подправить.

– Подправят, придёт время, – хмыкнул иронично Потёмкин. – Заметили, господа, как турки при их виде заволновались? – кивнул он на стоящую сбоку толпу иностранцев. – Узнают! Маловато вот только егерей что-то в колонне, вон уже и мушкетёры сразу пошли. Сколько их всего-то было? – проводил он взглядом удаляющееся жёлто-зелёное с чёрным знамя.

– Восемь сотен их в парадной колонне, ваша светлость, – подшагнув, доложилась фон Оффенберг, – все остальные охранную службу несут. Я вам об этом докладывал, – он сделал ударение на последнем слове.

– Хм, ну тогда да, понятно, – Потёмкин кивнул и, опершись на отделанную золотом трость, продолжил лицезреть проходящие мимо полки Дунайской армии.

– Уф, вроде бы не сбились, – выдохнул стоящий рядом Милорадович. – А Потёмкин-то какой грозный на трибуне стоял, заметил?

– Парад-то ведь этот не простой, Живан, – проговорил негромко Егоров, – светлейшему нужно на турок, да и на всех прочих особое впечатление произвести. Не забыл, впереди такие переговоры предстоят!

– Это да-а, – протянул Милорадович. – Я с Гусевым в штабе недавно был, слышал вполуха от тамошних, что нездоровится, дескать, ему. Из Санкт-Петербурга он уже такой хворый приехал.

– Ну не знаю, – пожал плечами Алексей, – может быть. У нас такие расстояния в империи, и сама дорога такая непростая, что пока доедешь, не грех и расхвораться.

Вот закончили торжественное прохождение мушкетёрские полки, отдельные пионерские и понтонные роты, прокатились орудия на конных передках, проскакали казаки и валашские арнауты. Войска выстраивались на огромном поле в линию. Отдельный полк егерей располагался немного дальше от центра, ближе к правому флангу.

– Сми-ирно! – донёсся голос генерал-аншефа Репнина, и штаб-трубачи заиграли сигнал «слушайте все».

– Потёмкин, Потёмкин, – прошелестело над замершими рядами.

Вперёд вышел он, всесильный и великий человек своего времени, сделавший так много для страны. Князь оглядел строй и протянул назад руку. В неё тут же вложили свиток.

– Воины Российской империи! – разнёсся его зычный голос. – Вы сокрушили неприятельские войска и взяли штурмом считавшуюся неприступной крепость Измаил, покрыв себя великой славой в века! Верным своим служением отчизне и матушке императрице вы каждый раз доказываете, что для русского офицера и солдата нет никаких преград! Любые он сметёт и всякие преодолеет! Императрица Екатерина вами довольна. Она объявляет каждому своё монаршее благоволение и повелевает одарить всех участников Измаильского штурма заслуженной наградой. Всякий солдат получит сверх положенного ещё и полугодовое жалованье. А кроме того – ещё и учреждённую в марте сего года серебряную медаль «За отменную храб-

рость» для ношения на Георгиевской ленте. Для офицеров, не получивших за штурм ордена Святого Георгия или Святого Владимира, учреждён особый золотой крест, дающий три дополнительных года к выслуге лет для получения пенсии или к награждению орденом Святого Георгия IV степени по выслуге. Чины на повышение уже утверждены государыней, и офицерские патенты отправлены в войска ещё весной. А с собой я привёз и утверждённые матушкой императрицей решения орденских капитулов о кавалерстве особо проявивших себя при штурме офицеров. Зачитывайте, – передал он свиток шагнувшему к нему Репнину.

– Херсонский гренадёрский полк, полковник Шаховской Николай Леонтьевич награждается орденом Святого Владимира IV степени. Премьер-майор Ладинский Сергей Семёнович – орденом Святого Георгия IV степени с производством в вышестоящий чин. Секунд-майор Шталь Иван Францевич – орденом Святого Георгия IV степени с производством в вышестоящий чин. Капитан Ильинский...

– Интересно, сколько же нам в полк отдадут? – негромко проговорил Алексей. – Толстой как-то проговорился, что вычеркнули более половины из представленных. А ведь эти представления ещё и орденский капитул в столице должны пройти.

– У Херсонских пятеро, – проговорил негромко Милорадович. – Так, а вот теперь Фанагорийские гренадёры – тоже пять. Приморский гренадёрский полковника Морокова, и в нём пять орденов...

– ...Отдельный особый полк егерей главного квартирмейстерства армии! Орденами Святого Георгия IV степени награждаются: капитан Милорадович Живан Николаевич с производством в вышестоящий чин, капитан-поручик Ширкин Вадим Валерьянович с производством в вышестоящий чин, капитан-поручик Бегов Иван Ильич с производством в вышестоящий чин и капитан-поручик Воробьёв Андрей Иванович с производством в вышестоящий чин...

– Ну же, ну-у, а где ещё, пятый? – ждал продолжения Алексей. – Хотя бы тот же Осокин Тимофей, вот уж кто воистину заслужил высокую награду!

– ...Полкового священника Попова Валентина, за проявленную им храбрость в отбитии контратаки неприятеля, наградить орденом Святого Георгия IV степени. Полоцкий мушкетёрский полк, полковник Гётте Карл Иванович... – продолжал зачитывать свиток Репнин.

– Алексей, а ты сколько всего представлений на ордена подавал? – спросил приглушённо Милорадович.

– Одиннадцать, – пожал плечами Егоров. – Ладно, чего уж там, вон у мушкетёров вообще только по четверо от полков получают. Живы будем, друг, так и ещё выслужим. Меня сейчас другое уже волнует, почему гонца от Аникеева до сих пор нет? Скоро уже сутки как они вслед за шхуной ускакали. Завтра посольские в сторону Ясс начнут уходить, вдруг турецкая делегация сразу со светлейшим в путь отправится, а у нас ещё ничего не понятно.

Глава 3. Хитрый план

– Фёдор Евграфович, тебе уже места на левой груди не хватает медали вешать, может, ты на правую теперь перейдёшь? – подшутил над сержантом Соловьёв.

– А ты не завидуй, Ванька, у самого только на две меньше, – провёл по серебряным кружкам Лужин. – Ладно, покрасовались и будет. Это вон пусть господа офицеры из стрелковых рот не снимая золотые кресты носят, им положено, а нам, дозорным егерям, такое совсем ни к чему. Броские наши награды уж больно.

Он достал чистую тряпицу из ранца и, отстёгивая, начал складывать в неё награды.

– Это да-а, а вот Георгиевский офицерский крест вообще ведь, как говорят, не позволено с мундира снимать, – важно проговорил сбивающий пыль с сапог Быков. – Вон у командира полка он всегда на нём, только лишь на выходах сеткой прикрытый. Вот ведь, туда-сюда только на параде прошли, а все в пыли, как будто целый день по полю бегали.

– Так конечно, – хмыкнул Соловьёв, – по полю-то мы россыпью бежим, а тут гуртом тысячи друг за другом топают. И чего только нас туда поставили, вот же, с дозорной роты целых три десятка в колонну забирали. Лучше бы в секретах среди кустов лежали. Нет ведь, шагай со стрелками вместе. Хорошо хоть прошли-то? Фёдор Евграфович, ничего не слышно? Довольно нами начальство?

– Да кто же его знает? – ответил Лужин, засовывая тряпицу с медалями в ранец. – Так-то вроде не ругался никто. Но полковник, он, конечно, хмурый. А чего, наградами, говорят, обошли наших офицеров. Вон на нашего ротного тоже ведь хотел «Георгия» повесить, ан нет, теперяча только Измайльский крест он получит.

– Ну-у, бывшему ротному, Ширкину, который на заместителя в первый батальон перешёл, и Бегову с первой роты «Георгиев»-то ведь дали, хотя наш Захарович, он в геройстве их точно переплюнет, – проворчал Быков. – Как же, из простых солдат ведь наш ротный командир вышел, а значит, молчи и за спинами тех, кто из господ родом, стой. Вона младшему Милорадовичу не поскупились, чай, всё дали.

– Ты, Егор, это, ты бы не болтал, а?! – нахмурился Лужин. – Я, конечно, и сам за нашего Тимофея Захаровича печалюсь, но ты уж тоже эдак вот палку-то не перегибай. Воробьёв, он, чай, из наших, из нижних чинов в батальонные офицеры вышел, а вот же погляди, сегодня его «Георгием» наградили. Тут, знаешь, всё очень тонкого ума дело, большому начальству ему ведь всегда виднее, кого и как награждать. Егорову Ляксею Петровичу тоже вон такой же Измайльский крест, как и всем остальным офицерам, пожаловали, а чего он, большего не достоин, что ли? Отчаянной храбрости командир, с того света, можно сказать, только недавно вернулся. Но вот же обошли. И не печалится он по этому.

– Панька прискакал! – раздался крик снаружи, и мимо шатра протопали несколько человек.

– Ядрёна кочерга! – воскликнул Лужин. – От Аникеева человек вернулся! А я уж сто раз подумал – чего это Бориска гонца не шлёт?! Сутки ведь прошли, как за кораблём глядеть ускакали!

Поправив мундир, он выскочил наружу и заспешил в сторону штабных, полковых шатров.

– Точно на берег никто не сходил? – допытывался у прибывшего егеря Алексей.

– Никак нет, вашвысокоблагородие, – помотал тот головой. – Мы уже через час ту шхуну нагнали. Там ведь прямо у берега хорошая такая дорога, шибко набитая идёт. Во-от, нагнали по ней её, а потом далее скрытно следовали, так, чтобы они нас не заметили. К тому месту, где Прут в Дунай впадает, корабль уже в самых сумерках подошёл, но в меньшую реку он сразу не заплывал. Там ведь на другом берегу село есть, а в нём наши казаки стоят, которые из

объездной сотни. Может, их опасались на корабле? – пожал плечами рассказчик. – Не хотели казакам на глаза показываться? На ём паруса спустили и на якорь у самого берега встали, ну а мы, стало быть, тоже совсем рядом затаились. Где-то около полуночи только, как совсем уже темнота густая стала, на корабле потихоньку якорь подняли, по Дунаю оставшиеся полверсты вниз проплыли, а потом и в этот самый Прут зашли. И вот потом корабль потихоньку-потихоньку вверх по реке под малыми парусами пошёл. А там ведь плавни, болота, всё высокой травой заросло на берегу, под ногами вообще не знай чего. Боялись, что отстанем, не уследим за кораблём. Но ничего, на нём, видать, тоже особо не спешили. Оно и понятно, темно же, а река эта, она хоть и большая, а незнакомая. Так что догнали мы его, этот парусник, а потом уже следом за ним по берегу шли. Под утро он уже остановился в небольшом таком, сильно заросшем с боков деревьями затоне, паруса свои сбросил и якорь в воду опустил. Вот мы и сидели, глядели на него из кустов. А потом уж Аникей, виноват, младший сержант Аникеев мне и говорит: «Скажи к командиру полка, Панкрат, доложишь ему обо всём. Похоже, не пойдёт обратно в Дунай корабль, или тут в затоне будет дальше стоять, или выше по реке поднимется». Вот я на коня вскочил и к вам быстрее поскакал.

– Говоришь, скрытно за шхуной держались. Не могли вас с неё заметить? – уточнил у егеря полковник.

– Не-е, вашвысокоблагородие! – затряс тот головой. – Ну что уж мы, совсем, что ли, неумелые? Чай, из дозорной роты сами, прятаться от чужого глаза умеем.

– Ладно, молодцы. Отдыхай, Бородулин, – кивнул Егоров. – Живан, сам тогда развод на ночные службы проведёшь, людей проверишь, а я пока в штаб к барону.

Через четверть часа Алексей был уже у шатра главного квартирмейстера.

– Запускай полковника! – раздался такой знакомый голос, и адъютант отёрнул в сторону полог. – А-а, гляди-ка, сам пришёл, – проворчал генерал-поручик. – А я уж было за тобой хотел посылать. Давай, сначала ты сам первым расскажи, чего там у тебя, и у меня к тебе тоже кой-чего будет.

Алексей подробно доложил о шхуне, а фон Оффенберг, хмурясь, разглядывал лежащую перед ним на столе карту.

– Н-да-а, большая эта река Прут, длинная, аж до середины течения почти вся она в плавнях и в заросших берегах. Овраги, острова, затоны, чего тут только на ней нет. До местечка Леово она вполне себе судоходна, и все эти сотни вёрст почтовый тракт относительно недалеко от самого Прута проходит. Очень может быть, очень даже может быть, что неспроста туда эта британская шхуна зашла, – словно бы сверяя новую, только что полученную информацию со своими мыслями, негромко произнёс фон Оффенберг и поднял глаза на Егорова. – Так, ну а теперь ты меня, Алексей, слушай, и потом скажешь, на что это всё теперь становится похоже. Итак, сразу после парада турки изволили выразить восхищение всем виденным светлейшему. Ну а как они это делают, ты и сам знаешь. Со всей своей восточной пышностью и сладкой лестью. Григорий Александрович и сам был в настроении, а тут ещё такое. В общем, завтра посольский поезд османских переговорщиков едет с ним и его конвоем в Яссы.

– Как та-ак, ваше превосходительство?! – воскликнул Алексей. – У нас же ещё ничего не готово!

– Вот то-то и оно, – в раздражении отмахнулся генерал. – Мы-то ведь рассчитывали на привычную турецкую нерасторопность. Да и по всем имеющимся у меня сведениям, турки должны были дней через пять только лишь проследовать в Яссы, когда сюда уже сам их визирь пожалует. Но видишь вот, как оно получилось? Рейс-эфенди Абдулла сам лично соблаговолил с переговорами не затягивать. Видать, рассчитывает ещё до подъезда визиря хоть о чём-то договориться, пока Потёмкин в настроении. Ну и тем самым свою полезность султану показать. И это ещё не все мои новости, – проговорил он со вздохом. – Час назад по почтовому тракту на север, в сторону Ясс, уже ушли три дипломатические кареты: прусская и две британских. Кто

в них сидел, небось, и сам догадываешься? Ага, вижу я в твоих глазах искру понимания! Да, полковник, в них сидели все те дюжие молодцы, что прибыли сюда совсем недавно под видом слуг. В общем, в бумагах секретарей атташе, поданных в канцелярию по поводу их отъезда, значится, что слуги дипломатических представительств убывают к себе на родину. Да, и там, кстати, был этот самый, твой знакомец, вернее сказать – знакомец твоего стрелка егеря. Денщик прусского атташе Корфа – Гюнтер. Он, кстати, как ты мне и сам докладывал, на неделе уже мотался в сторону Ясс, якобы по закупке для своего атташе, правда, вернулся обратно почему-то очень уж быстро. Вот так.

– Вы, конечно, послали за ними следом?! – воскликнул в волнении Алексей.

– Конечно, послал, – проговорил желчно барон, – только через три часа. А что ты на меня так смотришь, Егоров? Тут с этим парадом и большим приёмом у князя такая дурь и суета была, насилу к себе вырвался, когда мне доложили такое. Да и они молодцы, быстро всё организовали, уведомили об отъезде своих людей через канцелярию, и только пыль за их каретами уже за клубилась. Прав-то задерживать их у нас никаких нет. Ничего такого они здесь не нарушали. Опять же эта дипломатическая неприкосновенность. Пока это всё до меня дошло! Эскадрон драгун поскакал потом вслед, но это когда они там их нагонят? Часов через пять, шесть в самом лучшем случае, да и то вряд ли! Они ведь тоже стоять и ждать погоню не будут. Да и нагонят драгуны их, ну остановят они кареты под благовидным предлогом, а будет ли кто-нибудь там вообще внутри? Вот так-то вот, Алексей. Кто надо, за свою нерасторопность уже получил, а нам с тобой теперь нужно ужом извернуться, чтобы предотвратить беду. Догадываешься сам, какую?

– Нападение на посольский поезд из засады... – проговорил глухо Егоров.

– Ну да-а, скорее всего, а иначе для чего вся эта суета? – пожал фон Оффенберг плечами. – Девять хороших стрелков, да с дальнобойными нарезными ружьями, они могут очень многое натворить.

– А потом стрелки отступят в сторону недалёкой от тракта реки и скроются на поджидавшей их в определённом месте шхуне, – закончил мысль генерала Егоров.

– Точно! – воскликнул барон. – Именно так я и предположил, что всё дело будет развиваться. Девять пуль в карете главных переговорщиков, из них хоть одна да убьёт или самого рейс-эфенди, или кого-нибудь из его высших сановников. Какой там после этого может быть приезд на русскую территорию визиря? Какой вообще может быть между нашими странами мир?! Нам, Алексей, этого светлейший и сама императрица уж точно не простят! Так что, дорогой, поднимай весь свой полк и прямо сейчас начинайте прочёсывать всю местность возле тракта. Мало тебе полка, так я тебе весь егерский корпус Кутузова в помощь дам! Только найдите этих девятерых!

– А когда посольский поезд на Яссы выходит? – задумчиво спросил барона Егоров.

– Утром, спозаранку, – ответил тот сквозь зубы. – Лето ведь, жара стоит, все изнеженные, хотят по холодку успеть часть пути проехать.

– Не-ет, не успеем мы с этим прочёсыванием, ваше превосходительство, – покачал головой Алексей. – Уже вон, смотрите, смеркается, ночь скоро. Пока я полк подниму, пока ему задачу поставлю, опять же нам кони нужны, пешком-то нам далеко не уйти. В темноте даже если мы и выдвинемся, всё равно никак не успеем и треть тракта проверить. Только насторожим большой суетой «этих». Затаятся они, а своё дело всё равно сделают.

– И что ты предлагаешь, просто так вот сидеть и ждать?! – воскликнул барон. – Хотя бы оцепление у дороги успеем выставить, ну и часть её даже проверить сумеем!

– Девять пуль в карете, девять пуль в карете, – повторял тихо Лёшка, думая о своём.

– Чего ты там бормочешь, Егоров? – пристально посмотрел на него генерал. – Его-оров?!

Ау!

– Генрих Фридрихович, а может, не надо никакое прочёсывание? – поднял тот глаза на барона. – Может, ну его, и пускай себе в карету стреляют?

– Ты чего это, рехнулся?! – воскликнул изумлённый генерал. – Заболел, может?!

– Да не-ет, ваше превосходительство, – сощурил глаза, хмыкнул тот. – Со мной-то всё, слава богу, в порядке. Я вот что вам предлагаю. Если мы истинное лицо пруссаков и британцев османам покажем и спасителем в их глазах окажемся, это ведь нам на переговорах сильно зачтётся?

– Само собой! – аж привстал в волнении со своего места генерал. – Ты чего это задумал, Егоров? А ну-ка, давай, быстро говори!

– Да я-то скажу, Генрих Фридрихович, – улыбнулся Алексей, – план в голове у меня сейчас созрел. Интере-есный! Только у меня одна просьба к вам сначала будет.

– Какая ещё там просьба?! – нахмурился барон. – Давай уже скорей, не тяни кота за это самое, полковник!

– Ваше превосходительство, вы ведь состоите в добрых отношениях с Потёмкиным?

– Ну как в добрых... – пожал плечами барон. – В молодости служить довелось в гвардии. Хулиганили немного вместе, дело же это такое. Да и потом... Я не понял, а при чём здесь вообще Потёмкин? А ну-ка хватит тут улыбаться, давай, договаривай!

Пару часов спустя князь, сидя напротив фон Оффенберга, погрозил ему пальцем и произнёс:

– Ну смотри мне, Генри, если вдруг кого из турок по вашей вине ухлопают, своей головой лично ответишь, и ещё башкой этого Егорова. Если бы мы с тобой в кабаках по молодости Семёновцам и Преображенцам морды не били, сам знаешь, куда бы сейчас послал! И разговора бы даже никакого не было! Знаю, что ты на выдумки хитёр, и этот твой любимчик Суворова – Егоров! Чтоб ему! Тоже тебе под стать! Смотри-ка чего удумал стервец – карету мою басурманам отдать! С другой стороны, если дело всё как ты говоришь выгорит, очень даже интересно у нас с турками может получиться.

Потёмкин задумчиво постукивал пальцами по полированному столику из красного дерева.

– Федька! – крикнул он, и в шатёр влетел адъютант.

– Передай, чтобы карету мне запрягали, да скажи, что недалеко поедem, до турецких шатров. А как ты хотел? – взглянул он на фыркнувшего иронично барона. – Статус, батенька! Это тебе не по полка́м с проверкой шастать, а, почитай, к одному из самых главных министров Блистательной Порты на доверенный разговор ехать. Вот ведь какая зараза ты, Генри, на ночь глядя переться меня заставил, и так ведь спозаранку в дальнюю дорогу нужно собираться. Ну ведь выспаться же этой ночью хотел!

– Григорий Александрович, а по той просьбе Егорова? – напомнил ему барон.

– Вот если всё получится, как ты только что мне обрисовал, тогда и будет бумага на подполковника его инвалиду, – нахмурившись, произнёс Потёмкин. – Ещё и «Владимира» за храбрость при Мачинской битве получит, ну и хорошие выплаты, дабы обустроиться в мирной жизни. Вы, самое главное, Генрих, сделайте всё как надо. А то ведь, если не дай бог чего эдакого случится, все ведь по полной получат!

К палаткам особого полка егерей в это время подскочил эскадрон драгун.

– Ваше высокоблагородие, капитан Мордвинов! – представился соскочивший с коня офицер. – Александр Карлович в ваше распоряжение мой эскадрон определил.

– Зовут тебя как, капитан? – спросил Алексей.

– Семён Андреевич, – пробасил тот, поглаживая эфес сабли.

– А скажи мне, Семён Андреевич, сколько вы с собой заводных коней взяли? – поинтересовался Егоров.

– Так сто, как и было приказано, господин полковник, – ответил тот.

– А людей у тебя сколько в эскадроне в сёдлах?

– Сто двадцать три, если со мной считать, – ответил драгун. – Все, кто на конях. Безлошадные у меня в лагере остались.

– Поня-ятно, – проговорил Егоров, подсчитывая в уме. – Так, ладно, тогда сажаем на свободных коней мою роту и разбиваем всех конных егерей и всех драгун на равные части – отряды. Всего их будет двадцать, в каждом по пять егерей и по шесть драгун. Старшим в отрядах будет мой егерь, где-то это капрал или унтер-офицер, а где-то просто командир звена. В любом случае егеря в отрядах старшие, потому что они сведущие в предстоящем деле, и не впервой уже им такое.

– Так точно, – кивнул Мордвинов. – Мой полковник уже мне всё объяснил, и я своим это передал.

– Ну, и ещё раз всем напомнить совсем не лишнее будет, – произнёс командир егерского полка. – Чтобы они не испортили по незнанию нам дело. Через полчаса все двадцать отрядов должны будут убыть на почтовый тракт и потом уже распределиться по нему. Какая у кого очередь выставления, мои егеря знают. Наша задача, капитан, это охрана дороги до местечка Хуши, а если будет нужно, то на следующие сутки мы охрану аж до самых Ясс отодвинем. Но я надеюсь, что это уже будет лишнее. Главное, это завтрашний день нам хорошо отстоять. Живан Николаевич, строй убывающую на дорогу роту, – махнул рукой своему заместителю Алексей. – А вы, капитан, своих рядом постройте, сейчас мы отряды сколачивать будем.

Глава 4. Засада

– К чему такая спешка? – ворчал драгунский унтер, следуя со своей пятёркой за егерями. – До рассвета ещё три часа, это когда посольские по каретам рассядутся, им ведь ещё чай и кофеи распивать нужно!

– Первый караул, вот ваше место! – донеслось от головы длинного конного отряда. – Жалейкин, сам во главе его встанешь.

Одиннадцать человек отъехали на обочину и спешили, а остальные всадники из отряда продолжили своё движение дальше. Через десять минут отряд снова остановился, и капитан Бегов выставил очередной караул во главе с капралом Кожуховым.

– Лука Назарович, как и обговаривали, стоим и ждём посольского поезда. Ваше дело караул, в кусты мы не лезем. Если вдруг чего, тогда уж действуйте. Ну, вы и сами всё знаете.

– Так точно, вашбродь, знаем, – кивнул капрал. – На обочину, братцы, спешиваемся, – приказал он своим людям. – Коней чуть в сторону отведите, стреножьте их только.

Третьим караулом вставала неполная дюжина во главе старшего егерского звена Горшкова. Капитан Бегов провёл такой же инструктаж, как и всем остальным, и повёл отряд дальше. Ему нужно было успеть выставить посты по всему тракту на сто миль к северу, а времени было в обрез.

– Ты, Герасим, на меня не серчай, что меня тут старшим поставили, – отведя в сторону драгунского унтера, негромко проговорил Горшков. – Сам понимаешь, не я сам такое придумал, к начальству все вопросы, поэтому давай-ка всё миром решать.

– Дык я-то вроде и ничего, – пожал плечами драгун. – А чего такая строгость и важность? Через кажные пять вёрст караул выставляем. Офицеры злющие, всех стращают!

– Нападения ждём, – понизив голос до шёпота, проговорил Фрол. – Теперяча-то можно сказать, как мы на пост встали. Злыдни есть, которые на посольский поезд могут напасть, вот нам и приказано дорогу оберегать, чтобы они близко не вздумали к ней подкрасться.

– Да как же эти пять вёрст убережёшь?! – воскликнул драгун. – Даже если весь десяток мы здесь поставим, всё одно промеж нас можно будет легко к дороге подкрасться. Тут и целого плутонга вовсе не хватит, чтобы каждый соседа своего видел!

– А это и не нужно, и в кусты лезть никому не надобно, – проговорил, оглядывая заросли у обочины, Горшков. – Вы, Герасим Авдеевич, как рассветёт совсем, по парам разобьётесь и станете дорогу объезжать, а вот моя пятёрка посерёд нашего караульного куска дороги встанет. Это ежели чего случится, чтобы можно было хоть куда нам быстро добежать.

Топали копытами стреноженные кони, пощипывая траву. Егеря, пристроившись прямо на обочине на своих парусиновых пологах, похрапывали. Драгуны спали на снятых с лошадей пополах, и только часовой Южаков, перехватив в локтях и прижав к груди фузею, медленно ступал по пожухлой от жары траве. Предрассветный час был тих, лишь изредка пискнет где-то птица, да неумолкаемо звенят цикады. Но вот и они замолчали. Звёзды погасли, и первые лучи солнца разогнали предрассветную мглу.

Егерь огляделся и, откашлявшись, пробасил:

– Светает, однако! Хватит уже дрыхнуть-то. Кто службу-то будет править?

– Вот и правил бы сам, – проворчал Лыков, приподнимая голову. – Ещё не рассвело даже совсем, а ты уже будишь всех, Ванька. Балбес!

– Не выдумывай! – воскликнул тот. – Я уже холм вижу, а до него шагов триста, пожалуй, будет – значит, уже утро наступило. Лентяй ты, Рябой. Тебе бы только поспать подольше или пожрать послаще. Дурында ты неразумная!

– Ну хватит уже вам собачиться, – проворчал Горшков, вставая со своего полога. – Сейчас сухариков погрызём, водичкой их из манерок запьём и начнём караульную службу нести. Вставайте, братцы!

– Scheisse! Wie schlecht sind sie aufgestanden!⁴, – проворчал негромко здоровенный пруссак, рассматривая расположившихся неподалёку от холма русских.

– Ты же говорил, Гюнтер, что русские нерасторопны и нам нечего опасаться? – спросил его на хорошем немецком жилистый высокий британец.

– Мне так сказал мой хозяин, – поморщился тот. – Лишь бы они не принялись обшаривать окрестности. Вон тех пятерых в зелёном видишь? – протянул он руку в сторону встающих с земли русских. – Это, Джон, егеря, очень опасный противник. Не могу отсюда разглядеть, но если у них на касках есть волчьи хвосты, то они вдвойне опасней. Такие стреляют не хуже нас, и даже штуцера некоторые имеют. В лесу себя как опытные охотники ведут. Так что если они начнут прочёсывать местность, то лучше нам не рисковать и уходить к шхуне.

– Нет, Гюнтер, так дело не пойдёт, – покачал головой британец. – У меня задание, и я его выполню, с твоими людьми или же без вас.

– Ну и чёрт с тобой! – сплюнул тот. – У меня строгий наказ от барона – действовать осторожно и не рисковать. Если что-то здесь не получится, будет возможность и позже в самих Яссах отыгаться.

– Ладно, посмотрим, как дальше сложится, – проворчал британец. – Имей в виду, Гюнтер, без меня вас на шхуну всё равно не возьмут. Будете от казаков на своих ногах убежать.

– А без меня вы не узнаете, в какую именно карету стрелять нужно, – парировал пруссак.

– Ладно, – кивнул Джон, – отходить всё равно нам вместе нужно, попадаться в руки русским никому нельзя. Хорошее место, – одобрительно проговорил он, осматривая при утреннем свете подступы. – Сто пятьдесят шагов до цели, на этой дорожной петле у холма кареты хочешь не хочешь – а скорость обязательно сбросят. Лишь бы и правда эти зелёные всё нам не испортили, – кивнул он на суевившихся с южной стороны холма у дороги русских.

Алексей с посаженной на коней дозорной ротой ехал прямо следом за большой, крытой чёрной кожей каретой главного в посольстве турка. Тут же рядом скакала и отборная сотня сипахов. Следом шли ещё две турецкие кареты, и потом катила в богатой отделке карета князя Потёмкина. Весь поезд был приличных размеров, и охраны в нём хватало.

Первые пять вёрст пролетели быстро, по утреннему холодку ехать было одно удовольствие. С правой стороны за кустами и деревьями сверкала гладь озера Братес. Вот в сторону, на обочину отошёл парный разъезд драгун, всадники приложили ладони к каскам, отдавая честь Потёмкинской карете. Ещё парный разъезд и группка егерей во главе с подпоручиком Жалейкиным. Поезд пошёл по второму охраняемому пятимильному отрезку.

– Как думаете, Алексей Петрович, где более всего можно нападения ждать? – нагнав полковника, спросил Осокин.

– В любом месте, Тимофей Захарович, – провожая глазами очередной парный разъезд драгун, проговорил Егоров. – Наши кавалеристы, посланные за теми каретами, что уехали вчера в Яссы, так и не вернулись. Видать, кареты те гнали хорошо. А это значит, что их пассажиры могли хоть где из них выйти, даже под самими Яссами. Но я в этом сомневаюсь, учитывая, что через три десятка вёрст дорога начнёт сильно удаляться от реки Прут. Ждать нападения нужно, полагаю, на этом участке. Сам понимаешь, неспроста же в эту реку британская шхуна ушла.

⁴ Дерьмо! Как они неудачно встали! – нем.

Мимо промелькнул ещё один конный разъезд драгун и пятёрка егерей во главе с капра-лом Кожуховым. Драгуны гарцевали, отдавая честь, а вот егеря, напротив, рассыпавшись цепью, с ружьями наготове осматривали заросшие деревьями и кустами окрестности.

– Третий участок, здесь звеньевой Чижов за старшего, – крикнул, настёгивая кобылу, Осокин. – Шебутной егерь, штрафные раз от раза получает, но зато сметливый. Я его давно приметил, к себе в роту звал, но у них же артель на первом месте.

– Помню такого, – кивнул Алексей. – Весной Бегов его две недели по нужникам гонял, а он потом вон как на Дунайских поисках и под Мачином отличился. Дурь слетит совсем – в капралы перейдёт.

Шёл третий пятимильный отрезок пути.

– Джон, передай своим людям – стрелять только после того, как я буду уверен, что это наша цель, – проговорил Гюнтер, открывая крышку круглого футляра.

– Ого-о! Какая богатая вещь! – присвистнул британец, с завистью глядя на подзорную трубу. – Хорошо живёшь, пруссак!

– Не моя, – проворчал тот, протирая окуляр бархоткой. – Барон дал, чтобы не ошибиться с каретой. Так-то она приметная, но так уж надёжней.

И он навёл трубу на русский пикет. От него как раз отъезжали две драгунские пары. Одна шла в южную сторону дороги, другая на север. Третья пара оставалась на месте около егерей. Те же встали в цепь и, набрав дистанцию в десяток шагов друг от друга, внимательно оглядывали окрестности.

– Donnerwetter! – выругался Гюнтер. – Джон, я тебе говорил про егерей с волчьими хвостами на касках? Это они!

В окуляр трубы немцу были хорошо видны все детали мундиров.

– О-о, у одного даже при себе, похоже, штуцер, – процедил он сквозь зубы. – Ни о каком повторном выстреле даже и речи быть не может. Стреляем и сразу же уходим!

– Не волнуйся ты так! – попробовал успокоить пруссака Джон. – До пикета русских далеко. Мы же проверили, им чтобы на холм подняться, ещё и через овраг нужно сначала перебраться, а мы-то их ждать тут не будем. Пока это они сюда поднимутся, мы уже в сторону реки давно отбежим. Полмили форы у нас точно тут будет. Сам понимаешь, им в горку бежать – это дыхание сбивать, а вот нам с горки вниз гораздо легче и быстрее. Две мили всего, а там уже плавни и река будет. Самое главное, что для кавалерии эти места непроходимы. Немного только посуху пробежаться, а потом дальше уже заводи пойдут. Уйдём!

Время тянулось томительно долго. Пристроившись за большим пнём, Гюнтер неотрывно смотрел в южную сторону и только изредка переводил окуляр трубы на русский пикет. Егеря стояли не как привычные часовые неподвижными болванчиками, они переходили с места на место и непрерывно осматривали окрестности. Пара человек даже дошла по дороге до холма и пристально его осмотрела.

«Только бы наверх не полезли! – молил про себя Гюнтер. – Тогда всё дело провалится!»

Но нет, егеря немного постояли, прошли ещё на север пару сотен шагов, а потом вернулись обратно к своим.

«Ну где же посольский поезд?! – была в мозгу мысль. – Барон ведь сказал, что у него совершенно точные сведения об его отправлении к Яссам рано поутру. А вдруг всё переиграли? Вдруг переговоры решили и дальше проводить в Галаце? Русский князь ведь такой взбалмошный, захотелось – и приказал отменить выезд! Плакала тогда моя премия в пятьдесят фридрихсдоров⁵. А у меня в Пруссии в доме крыша протекает, старшую дочь Эльзу замуж за сына

⁵ Фридрихсдор – прусская золотая монета, названная в честь Фридриха II и равная пяти серебряным рейхсталерам. В перерасчёте на рубли Российской империи один фридрихсдор соответствовал примерно пяти рублям, трём копейкам золотом.

булочника отдавать, сына Эриха учить. Эхх!» – и он, глубоко вздохнув, погладил хозяйский штуцер.

Так же, как и он, лежали рядом восемь человек с нарезными ружьями. У каждого из них была причина ожидать посольский поезд, и причина эта – золото.

Русский со штуцером в руках присел, покачался из стороны в сторону, попрыгал и заковырял пальцами в казённой части своего оружия.

– Кремень в курке замка, наверное, проверяет, или, может, пороховую затравку, – пробормотал Гюнтер и перевёл окуляр трубы вдаль на дорогу. – Едет! – воскликнул он, заметив вытягивающуюся из-за поворота змею длинной колонны.

Джон отдал команду на английском, и четверо его стрелков вслед за старшим защёлкали, отжимая курки на штуцерах.

– Карета, карета, где эта карета?! – лихорадочно скользил взглядом по приближающейся колонне Гюнтер. – Вот она! Сначала в голове едут русские кареты в окружении кавалеристов. Далее – полсотни сипахов, потом опять русские в зелёных мундирах, и вот уже идут посольские кареты турок – две простые, а потом как раз та, что и была нужна. Именно в ней, огромной, чёрной, влекомой целой дюжиной коней, и перевозили высших сановников Порты. Катилась она в окружении турецких воинов. Следом за ней скакали ещё всадники в зелёных мундирах.

«Плотно опекают, – подумал Гюнтер, – но ничего, стрелять мы будем сверху, а это значит, что всадники на конях нам вовсе не помеха. Странно, а почему тут среди турецких карет ещё и русская в богатой отделке затесалась?» – мелькнула у него мысль, но раздумывать времени не было, голова колонны уже проезжала мимо холма.

– Джон, гляди, вон вторая половина поезда, – указал он рукой. – Там турецкая часть, в ней, в голове, две обычные кареты, а потом за ними большая, просто огромная. Сразу же за ней ещё две и потом вся в золоте русская. Вот та огромная, что катит среди меньших перед русской, это и есть наша цель! Стреляем, когда она будет прямо напротив, целимся в заднюю её часть. Именно в ней, в самой удобной, и должен ехать рейс-эфенди!

– Понял! – крикнул британец и быстро перевёл всё сказанное своим людям.

– Удобное место для засады, – отметил Алексей дорожный изгиб у холма.

Сколько их таких ещё удобных мест будет впереди? И где-то должны ждать своего часа иноземные стрелки. Если, конечно, они всё правильно поняли и рассчитали с бароном. А если вдруг нет, и вся эта большая суeta будет лишней?

Голова поезда обогнула холм и, набирая скорость, покатила дальше, а вот середина, где и находилась турецкая делегация, только-только втягивалась в дорожную петлю.

Бам! Бам! Бам! – хлестко ударили выстрелы. Ехавшие и так медленно кареты остановились, и из тех четырёх, что следовали впереди и позади огромной турецкой, высыпали люди в зелёных мундирах.

– Холм! Самая середка, там, где проплешина! – крикнул, указывая рукой на цель, Афанасьев.

Тихон, отщёлкнув курок штуцера, водил стволом, выискивая цель. От того места, где растительность была не такой густой, и ближе к вершине возвышенности ветерок относил в сторону серое облачко дыма. Там что-то мелькнуло, и капрал выжал спусковой крючок. Вслед за его выстрелом ударили сразу несколько десятков винтовальных и гладких стволов. Пятёрка Горшкова уже влетела в овраг и теперь карабкалась по его противоположному склону.

– Вперёд, братцы! Живём постарайтесь кого-нибудь взять! – рявкнул Егоров, перезаряжая штуцер.

Около сотни спешенных егерей устремились к холму, а выпрыгнувшие из карет штуцерники Афанасьева всё били по нему, осыпая пулями.

Гюнтер, пригнувшись, подбежал к лежащему без движения Дитриху, перевернул его на спину и выругался. В синее небо глядели застывшие, мёртвые глаза, а из уголка рта бежала алая струйка крови.

– Готовый он, не видишь, что ли?! Бежим! – рявкнул Джон.

Пуля ударила в ствол дерева буквально в пяди от головы, и он резко пригнулся.

Гюнтер, перекрестившись, закрыл глаза товарищу и, вскочив на ноги, сделал три шага. Свинец вошёл ему сзади в бедро, и он, громко вскрикнув, упал на землю.

– Бежать можешь?! – крикнул Джон, наклоняясь над пруссаком.

– Найн, – прорычал тот, зажимая рану рукой. – Бегите без меня!

– Прости, друг, ничего личного, – Джон выхватил из-за пазухи пистоль и, отщёлкнув курок, выжал спусковую скобу. – Ты же знаешь, нам нельзя попадаться в руки русских.

– Ваше высокоблагородие, сюда! – крикнул Мухин. – Тут среди кустов два трупа лежат.

Алексей, преодолев подъём, выскочил на прогалину. Здесь уже обшаривала заросли пара дюжин егерей.

– Ого, а это ведь наш с тобой знакомец, Тихон, – проговорил полковник, присаживаясь возле одного из убитых.

– Так точно, вашвысокоблагородие, – кивнул капрал. – Гюнтер это, денщик того самого прусского посольского барона. А вы этот штуцер, что рядом с ним лежит, узнаете?

– Вот это да-а! – присвистнул в удивлении Егоров. – Не думал, что снова буду его держать!

В руках у него был тот самый прусский штуцер барона Иоганна Корфа, который он у него выиграл четыре года назад. Уж спутать с другим Алексей его никак не мог: клеймо мастера, год выпуска и даже зазубрины на стволе – всё было знакомым.

– Вашвысокоблагородие, а ведь умер он не от нашей пули, – проговорил удивлённо Мухин, осматривая тело. – Ну да, ногу, похоже, это мы ему пробили. А тут вот, сами поглядите, вблизи, прямо в упор, в грудь ему стреляли. Вона и от горящего пыжа, и от пороховых крупниц подпалины на одежде. Это что же получается такое, ваше высокоблагородие? – пробормотал он, ошарашенный. – Свои его, что ли?

– Похоже, что да, добились, – кивнул Алексей, осматривая одежду возле пулевой пробоины.

– Да как же такое возможно, чтобы свои и своих? – прошептал потрясённый капрал. – Грех-то какой! Звери они, что ли?

На прогалину выскочил запыхавшийся Лужин. Остановившись и окинув всё быстрым взглядом, он в сердцах махнул рукой.

– Не поспел, вот ведь незадача! Пока это я с головы колонны подскакал, а здесь уже всё и закончилось. Не догону я, Ляксей Петрович, уже наших?

– Не-ет, не догонишь, Федя, – покачал головой полковник. – Они уже, небось, в версте от нас, к самым плавням реки подбегают.

– Кажись, бахнуло где-то? – негромко проговорил Аникеев. – Во-о, слышишь, Вадя, теперь опять. Слабенько эдак, еле-еле слышно.

– Да не-ет, Борис Матвеевич, показалось тебе, тихо ведь, – помотал головой напарник. – Может, это жерех на течении хвостом мелочь бьёт?

– Ага-а, конечно, жерех, ты чего? – фыркнул унтер. – А то я не расслышал бы! Не с воды этот звук шёл, а с самой глубины берега. И не кони это наши, – сразу отнёс он новое предположение егеря. – Точно говорю тебе – выстрелы это были. Только далеко, не меньше как в версте.

Сержант привстал из-за куста, пристально оглядел стоящую в затоне шхуну и махнул рукой.

– За мной, Вадимка, только пригнись! Чуток от берега отбежим, а то тут со спины никакого огляда нет. Во-он там, где плавни у косогора проходят, на нём мы и заляжем. Дорожка там натопанная есть, самое то сверху это всё место перекрыть.

Пуля пропела над головой, и на спину Горшкову упала срубленная ей ветка.

– Зараза! – выругался Фрол и сместился за дерево. – Задерживают они нас, гады! Отбежать дают остальным! Ваня, Нестор, побегли! Тихон, Елизар, прикрывайте нас! – и, выдохнув, бросился вперёд. Вслед за ним выбежали двое, а вдалеке хлопнул ещё один выстрел.

– Ой! – вскрикнул Южаков, приседая.

Лыков, прицелившись в мелькнувший силуэт, выжал спусковой крючок и подбежал к сидящему на корточках товарищу.

– Куда тебя, Ванька?! Ну?! В башку, что ли, попали?!

С подбородка Южакова сочилась струйка крови. Он выдохнул и подобрал с земли пробитую каску.

– Ежели бы чуть ниже – то хана. Ладно хоть ремень порвался, а то так башку дёрнуло – думал, совсем оторвёт.

Рядом бухнул ещё один выстрел, и Калюкин заработал шомполом, перезаряжаясь.

– Южак, ты бежать сможешь? – спросил товарища Лыков. – А то там только Горшок с Нестором.

– Потом за каской вернусь, – кивнул Южаков и, перехватив фузею, бросился вслед за товарищами.

Горшков с Лошкарёвым перебежали открытый участок и остановились возле обезображенного пулей труп.

– Ох как башку разворотило! – осматривая тело, проговорил Нестор. – А у него ведь пуля в стволе, чуток не успел гадёныш выстрелить.

– Рядом ещё двое лежали, – произнёс, оглядываясь, Фрол. – Вона под кустом как прямото, и там за валежиной. Теперяча их шестеро, бегут они хорошо, без всяких петляний – значит, дорогу знают. Боюсь, не поспеем мы, река уже совсем рядом. Поспешать надо.

Егеря вскочили и бросились бежать по примятой траве. Вскоре следовая дорожка нырнула в заросли рогоза, и скорость движения сильно упала. За каждой прогалиной или небольшим озерцом мерещилась засада. Удобных мест, чтобы встретить огнём погоню, тут было хоть отбавляй.

– Не поспеем, не поспеем, – твердил приглушённо Горшков.

Вскоре их догнала отставшая троица, и теперь звено егерей двигалось более уверенно.

За плавнями отчётливо гроыхнули несколько выстрелов, и Аникеев приподнялся.

– Слышал? Рядом они уже! Ну, значит, точно в нашу сторону бегут. Выходит, всё верно, всё правильно здесь у нас, Вадя. А теперь слушай меня внимательно. Выскочат они из травы в паре десятков шагов от нас, во-он оттуда, – указал он рукой на слегка видимую прореху в зелёной травяной стене. – Из ружей мы бьём только лишь по ногам! Запомни – по ногам! Нам живые языки нужны, а не их дырявые тушки. Времени потом у нас будет в обрез. Эти два десятка шагов мимо косогора они как на крыльях пролетят, ты даже из пистоля и прицелиться как следует не успеешь. Потому не тяни, Вадя, а стреляй и сразу напрыгивай сверху на любого, ну а дальше уже как учили. Ножом только не спеши сразу резать, постарайся лучше чуть придушить злыдня. Я и сам точно так же сделаю. Да ты не бои-ись! Коли стреляли, значит, и наши совсем рядом. Быстро сюды подбегут, – и он, взведя курки на обоих своих пистолях, положил их прямо перед собой.

Время тянулось медленно.

«А вдруг они другой тропой пробежали и уже на берег за нашей спиной вышли? – терзали Аникеева сомнения. – Всё дело тогда насмарку! Эти, со шхуны, они ведь тоже, небось, выстрелы слышали. Чего им, долго, что ли, лодку на воду спустить?! Эх, Панкрата, жаль, гонцом пришлось отправлять, втроём оно бы удобнее тут было. Шибко молодой Вадимка, – покопился он на лежащего рядом егеря, – только недавно в дозорные из стрелковой роты перешёл. Сырой совсем».

В прорехе рогоза вдруг мелькнули тени, и на открытое место выскочили сразу двое.

– Бьё-ём! – рявкнул Аникеев, плавно выбирая свободный ход крючка. Бам! Оглушительно хлестнул выстрел штуцера, и бегущий первым с длинноствольным ружьём в руках как-то нелепо подпрыгнул и с громким криком повалился на землю.

Сержант подхватил оба пистоля с травы, а сбоку от него ударил фузейный выстрел Вадима. Из травы выскочили сразу четверо и ринулись мимо косогора. Два пистольных выстрела почти слились в оглушительном грохоте, и сержант, резко оттолкнувшись от земли, влетел сверху прямо на длинного ширококостного мужчину. Они покатались по земле, а рядом боролся с крепким здоровяком молодой егерь. Аникеев перехватил своего ошеломлённого ударом противника на удушающий захват и сильнее стиснул его горло предплечьем. Длинный захрипел и судорожно забился, пытаясь освободиться от захвата. В это же время тяжёлый и здоровенный соперник сбросил со своей спины молодого егеря и, выхватив из ножен кинжал, ударил им его в грудь. Не задерживаясь и даже не подобрав свой выпавший штуцер, он бросился вслед за убегающим в сторону реки товарищем.

Не прошло и минуты, как из травяного прогала выскочила егерская пятёрка. Один из них быстро обыскал стонущего раненого и отбросил в сторону его нож и штуцер. Остальные подбежали к стоящему на коленях и тяжело дышащему Аникееву.

– Сам я, братцы, сам я тут, – прохрипел тот и затянул на запястьях своего пленного узел верёвки. – Бегите к реке, авось поспеете! Двое ещё туды убегли. Один здоровый Вадимушку зарезал. Не успел я ему помочь, этот гад шибко вёрткий оказался.

– За мной! – рявкнул Горшков и сорвался с места.

Четверо егерей выскочили из кустов на возвышенный берег. В двух десятках сажений от них уходила по реке в сторону парусника лодка. Гребцы налегали на весла, и она всё больше отдалялась от стрелков.

– Бьём, Фролка! – крикнул Южаков, вскидывая фузею.

– Нельзя! Не стрелять! – крикнул командир звена. – В матросов попадём! Эти, вишь, вона на дно все залегли!

Бум! Бум! – ударили два орудийных выстрела, и ядра прогудели над головой.

– От берега! – рявкнул Горшков. – Своих в лодке боятся зацепить, а сейчас как картечью сыпанут – и хана нам!

Егеря отбежали подальше, и правда – по прибрежным кустам ударили свинцовые шарики. А вниз по течению Прута, подняв паруса, в это время уходила британская шхуна.

– Ваше благородие, приняли с егерем Матюшиным бой! – докладывал через десять минут прибывшему командиру дозорной роты Аникеев. – Сначала мы из ружей по этим пальнули. Я-то своему в ногу попал, ну а Матюшин другому, похоже, печёнку пробил. Потом всё быстро закрутилось, сразу четверо из травы вынеслись, я из обоих пистолей пальнул и на вот этого длинного прыгнул, – кивнул он на лежащего со связанными руками пленного. – Одна пуля из пистоля, выходит, тому в башку попала, – кивнул он на труп. – Вторая, получается, мимо. Я пока со своим возился, Матюшин на другого с косогора наскочил, ну а тот его ножом, и прямо в сердце. Не успел я ему помочь, вашбродь, чуть-чуть не успел. Придушивал ведь уже своего, тот и хрипеть даже начал. Ещё бы маненько, и точно бы Вадимке помог. Но вот не успел.

– Не вини себя, Борис, вас всего двое тут было, – произнёс тихо Осокин и подошёл к пленному. Тот, как видно, только что очнулся и лёжа на спине оглядывался вокруг.

– Кто таков? Как зовут? – строго спросил его капитан-поручик. – Будешь молчать, прямо тут порешим! Аникеев, добьёшь гада?

– Так точно, ваше благородие! – рывкнул сержант, выхватывая тесак. – Да я его прямо здесь на лапшу постругаю!

Трое егерей повисли на нём, пытаясь изо всех сил удержать.

– И правда ведь постругает! – проговорил Осокин. – Вы его человека, вы его лучшего друга тут только что убили! И верно, чего с тобой возиться, отдать этому егерю – и дело с концом!

– No! You can't kill me!⁶ No! – прокричал лежащий и, судорожно семеня ногами, попытался отползти. А Аникеев и правда уже рвался к нему изо всех сил. Сейчас он играл свою роль совершенно бессознательно, жаждая мести и крови врага.

На помощь подбежали ещё два егеря, и теперь они впятером удерживали разъярённого сержанта.

– По-русски говори! По-русски! Не понимаю я тебя! Ну-у! – рывкнул Осокин, наклонившись над пленным.

– Меня не убить! Нельзя убить! – прокричал тот. – Я Джон Вилсон, я есть подданный британский империй. Я находится под защита короля Георг III. Вас всех наказать, вас всех повесить за меня!

– Ну ты, сволочь британская! – процедил сквозь зубы капитан-поручик. – Это хорошо, что по-нашему понимаешь. А теперь слушай меня внимательно! Мы взяли тебя с оружием в руках, Джон Вилсон! Ты стрелял в солдат Российской империи, желая им смерти. Мы с твоей страной сейчас не воюем, и поверь мне, она с превеликим удовольствием от тебя откажется, сославшись на то, что ты действовал тут, на нашей земле, по своей личной прихоти. Скажу тебе даже больше. Тебя свои же, Джон, зарежут и потом выкинут за борт судна как неудачника, провалившего дело, и как ненужного свидетеля. А твой хозяин будет только рад, если узнает, что мы тебя сами вздёрнули на суку во-он того дерева, – Осокин кивнул на росшую неподалёку раскидистую иву. – Зачем ему неприятности по дипломатической линии? Зачем ему такая обуза, как ты?! Так что ты труп, Джон Вилсон. Будешь упорствовать сейчас, отдам ему, – кивнул он на Аникеева, – или я сам тебя вздёрну. Начнёшь хитрить позже, отдадим твоим, и тогда они тебя сами же прикончат. Понял меня или нет, Джон Вилсон?! – прокричал он, глядя пристально в глаза британцу.

– Yes, – судорожно вздохнув, прошептал тот.

– Не слышу! По-русски говори! – рывкнул Осокин.

– Да, я понять, я понять вас, сэр, – закивал тот. – Только вы не убивать, вы обещать, что я останусь жить...

– Это как ты себя вести будешь, – уже спокойным голосом проговорил русский офицер. – Аникеева уберите подальше, в реку его, что ли, макните, – приказал он егерям. – Пленного раненого перевязать, я с ним чуть позже тоже потолкую. И этому пока руки развяжите, – кивнул он на британца. – У меня с ним сейчас долгий разговор с глазу на глаз будет.

– Пять, шесть, семь... – взобравшись на кучерские козлы, считал пробойны в крыше кареты адъютант Потёмкина. – Девять дырок, ваша светлость!

Стоящий подле открытой двери рейс-эфенди Абдулла, прищурившись и словно бы вслушиваясь в себя, смотрел, как пучки света пересекают всё внутреннее тёмное пространство

⁶ Нет! Меня нельзя убивать! – англ.

кареты. Пух от разорванных пулями подушек высыпался ему под ноги, на пол же вытекала вода из пробитой кожаной фляги.

– Вы оказались правы, князь, – проговорил он еле слышно. – Благодарю вас за своё спасение. Я такое не забываю. Повелителю тоже будет доложено обо всём произошедшем. Полагаю, вы не будете против, если я и дальше продолжу путь в вашей карете?

– Я буду только рад, эфенди, – доброжелательно улыбнулся ему Потёмкин. – Уверен, что следующая часть пути до Ясс будет доброй, и вам никто не помешает провести её в удобстве и полном спокойствии.

Министр иностранных дел Блистательной Порты величественно поклонился и пошёл вдоль замершей на дороге колонны. Со всех сторон его окружали спешенные сипахи и русские егеря.

– Вы уверены, Генрих, что дальше нас не ожидают никакие сюрпризы? – спросил стоящего рядом барона Потёмкин. – В любом случае ждать тут мы дольше не можем. Обо всех обстоятельствах дела доложите мне по приезде в Яссы. Чтобы у меня там полный расклад по всему был. Ясно?

– Хорошо, ваша светлость, – кивнул фон Оффенберг. – Будет исполнено. Мои люди уже работают над этим.

Глава 5. Ура господину подполковнику!

– Оба одно и то же говорят – и британец, и пруссак? – поднял глаза от бумаг на барона Потёмкин.

– Оба, ваша светлость, – кивнул барон. – Подданный британской короны Джон Вилсон прямо указывает на военного атташе при нашей ставке Джона Хобарта, как на организатора недавнего нападения. От него он получил задаток для себя и своих людей, все инструкции и карету. Он же свёл его с пруссаками, где старшим выступал денщик прусского военного атташе барона Иоганна Альбрехта фон Корфа. Пленный раненый как раз значитесь в слугах прусской миссии и прибыл в ставку недавно. Он, со своей стороны, тоже поведал об участии барона в организации нападения. Единственное, раненый был простым исполнителем и многого не знает. У пруссаков всё было завязано на денщике барона Корфа – Гюнтере. Но он, как вы знаете, погиб на месте засады. Все люди, участвовавшие в нападении на турецкого министра, были проведены по нашим учётам при регистрации. Их хозяевам не отвертеться, ваша светлость, – произнёс, глядя в глаза князю, фон Оффенберг. – Прикажете готовить соответствующие бумаги?

– Все бумаги по этому делу остаются у меня, – произнёс глухо Потёмкин. – С офицеров, участвующих в сем деле, взять письменные обязательства о неразглашении. С нижних чинов достаточно и крестика в общем формуляре. Но доведите им, что тот, кто будет болтать, уйдёт в арестантской роте за Урал навечно. Что ты смотришь, Генрих? – сощурил он глаза. – Тут прямой повод для войны с двумя сильнейшими державами Европы. Новой кровавой войны, а мы ещё со старой не закончили. Не время нам воевать, барон! России нужно хотя бы десять лет мира, чтобы оправиться. Матушке императрице я всё лично доложу. Если она сочтёт нужным, значит, даст ход этим бумагам, – погладил он руками пухлую папку, набитую исписанными листами. – В своё время. В удобное для нас. Если же нет... Ну что же, мы своё дело всё равно сделали, Генри. Британский и прусский атташе отозваны на родину и под ногами больше не мешаются, турки настроены по отношению к нам достаточно дружелюбно. Причём так, что можно диктовать им свои условия, и пора уже ставить точку во всей этой войне. Как же я устал!

Князь откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Нездоровится мне. Сил никаких нет.

– Вызвать врача, ваша светлость?! – вскочил на ноги фон Оффенберг. – Вам плохо?

– Не нужно врача, – покачал тот головой. – Тут болит, Генрих, тут, душа. Тело что, оно заживёт, рана затянется, а вот когда на сердце пусто и ничего нельзя исправить, вот тогда страшно. К чему теперь всё это? Для чего все мои труды? Кто сие оценит?

– Потомки, Григорий Александрович, – промолвил чуть слышно барон. – Как же современнику и всю громаду свершённого вами оглядеть?

– Потомки, – вздохнул князь. – А как оно до них дойдёт? Опишут ведь борзописцы, как надо временщикам, исказят в своих памфлетах и виршах. Уже сейчас при дворе за дурной тон почитают упоминать моё имя. Императрица что, у неё своих дел громадье, ещё и в эти дразги лезть. Там своих пакостников сейчас хватает. На покой мне надо, вот только бы с переговорами закончить. Поселиться в Новороссии у самого моря. Среди разбитого сада и виноградников во дворце просыпаться... Ладно, – он тяжело вздохнул и, макнув перо в чернильницу, расправил лежащий свиток бумаги. – Я своё слово держу, ты меня, Генрих, знаешь. Представления на подполковника этому Егоровскому майору и на «Владимирский крест» уйдут в Санкт-Петербург курьером сегодня же со всеми бумагами по недавнему делу. В письме государыне я поведал о нём, так что в милости она не откажет. Всех молодцев у шатра построил?

– Так давно уже, ваша светлость, – кивнул фон Оффенберг. – Те, кто отличился в том особом деле, все в строю стоят.

– Ну, пошли тогда, – кивнул Потёмкин и, закриав, поднялся с кресла. – А то мне потом на обед к Молдавскому господарю ещё ехать, неужто они до вечера тут ждать будут?

– Равня-йсь! Сми-ирно! Равнение на середину! – скомандовал Егоров и вышел из головы строя. – Ваша светлость, сборная команда особого полка егерей, отличившихся...

– Тихо, тихо, полковник! – оборвал его Потёмкин. – Не нужно сейчас церемониала. Встань-ка ты подле меня да послушай.

Фон Оффенберг отшагнул в сторону, и Алексей в первый раз в жизни встал рядом с самим генерал-фельдмаршалом.

– Все вы, егеря, сделали недавно очень большое дело, – негромко и как-то так по-простому, по-свойски проговорил князь. – Не дали пролиться крови тех, кого защищали. Доверие моё и матушки императрицы оправдали. За это вам большое спасибо, братцы. Каждый из здесь стоящих получит хорошую награду. Никого не обижу. Только скажу вам вот ещё что – не болтать! Всё, что вы видели и слышали, надобно вам в самом строгом секрете держать. Ну да о том с вами с каждым отдельно особые люди потом ещё побеседуют. От себя же хочу вам выразить свою благодарность и благоволение. Ступай к своим егерям, Алексей, – потрепал по плечу Егорова светлейший. – Молодец, полковник! Только ты уж без парада давай, эдак спокойно, по-скромному. Ладно?

– Так точно, ваша светлость, есть без парада, «по-скромному»! – кивнул Алексей и топтал в голову колонны.

– Правое плечо вперёд! – негромко скомандовал он. – Пря-ямо! Сми-ирно! Равнение направо!

Полсотни егерей били по земле подошвами ног, проходя мимо двух генералов. Такой энергичный, румяный и живой, каким его обычно и привыкли видеть, Потёмкин стоял сейчас какой-то понурый и осунувшийся.

«Видно, устал князь, – ведя строй мимо него, думал Егоров. – Скоро пятьдесят два, носится по всей огромной Новороссии, на Дунае с турками на себе всю дипломатическую тяготину тащит, с иностранными и своими интриганами пикируется. Нелегко ему это всё. Устал Григорий Александрович».

Алексей не знал, что в этот самый миг он видит Потёмкина в последний раз. Светлейшему так и не удалось подписать договор о мире, хотя всё, в общем-то, уже было обговорено. Тяжело больной, предчувствуя свою скорую кончину, он повелел отвезти себя в своё любимое детище, в новый **РУССКИЙ** город Николаев, где хотел умереть и быть похороненным. Пятого октября 1791 года в 38 верстах от Ясс князь Потёмкин-Таврический повелел остановить карету и вынести его в поле, где и скончался.

Суворов, узнав о его смерти, сказал: «Великий человек и человек великий. Велик умом и велик ростом».

Румянцев же от такой вести заплакал и сказал своим удивлённым домочадцам следующее: «Что на меня так смотрите? Да, Потёмкин был моим соперником, худого сделал немало, и всё же Россия лишилась в нём великого мужа».

Они, все эти люди, были воистину великими людьми, великими в своих деяниях, в соперничестве и в благородстве.

– Турки всполошились, Алексей, уже третьего гонца в Стамбул погнали, – прихлёбывая чай из большой глиняной кружки, рассказывал Толстой. – Визирь после вести о смерти Потёмкина боится теперь сам любые решения принимать. Э-э-эх, чуть-чуть не дожали Порту, как бы теперь всё прахом не пошло, у нас ведь всё на светлейшего было завязано!

– Не думаю, что мирный процесс сорвётся, – покачал головой Егоров. – Туркам тоже мир нужен, чтобы оправиться. Европа на Россию войной не идёт. Денег на осман у неё больших

нет, там сейчас всё внимание к Франции приковано. Помяни моё слово, Митя, скоро там, на западе такая кровавая каша начнётся. Всем достанется. Боюсь, и нас тоже коснётся.

– Да не-ет, ты чего, – отмахнулся Толстой. – Где Франция эта, а где мы?! Вот Кавказ да-а, Кавказ другое дело. У матушки императрицы всё внимание на южные рубежи. Через Кавказ, Алексей, прямой путь к Индии лежит. Вот куда стремиться нужно. Да, ты знаешь, и с турками ведь не всё окончательно решено. В Санкт-Петербургском дворце спят и видят сияющий золотом православный крест над Софией Константинопольской. Думаешь, зря, что ли, второго внука государыни Константином назвали? Во-от, сам подумай. Первый внук – Александр – Российской империей будет править, а вот Константин – возрождённой Византией. Павлу Петровичу-то всё одно в правителях не быть, не жалуется его матушка императрица.

– Эко же тебя завернуло-то, Митька: Кавказ, Индия, Византия, – усмехнулся Егоров. – Тут не знаю даже, где и как полк зимовать будет, квартирование-то совсем у нас не устроено. А ты тут с этими, со своими прожеками.

– И ничего они не мои, – насупился друг. – О чём при дворе говорят, о том и я тебя просвещаю. Ты же, дурень сиволапый, даже и спасибо мне не скажешь.

– Премного благодарствую, – дурашливо поклонился Лёшка. – А то как бы мы, простые вояки, да без великосветского просвещения и далее прозябали?

– Да иди ты, Егоров! – буркнул Митя. – Не буду я тебе более ничего рассказывать!

– Да будешь, будешь, куда же ты денешься, Митька, – хмыкнул Алексей. – Тебе ведь с хорошими, с надёжными людьми и не поговорить даже по душам, кроме нас. У вас все там, в высоком штабе, сами себе на уме. Неосторожное слово, какое обронишь, потом супротив тебя же оно и обернётся. Не то что вот здесь.

– Ну да-а, есть такое, – вздохнул Толстой. – Куда же деваться? А почему с квартированием пока ничего не решено, ты и сам, небось, знаешь. Вот-вот уже мирный договор дипломаты заключат, и генералы начнут бо́льшую часть войск на квартирование в губернии отгонять. А чего их все тут в одном месте держать? Провиант накладно из глубины страны везти, опять же с жильём этим нелады, в палатках ведь всё время пребывать не будешь? От хвори больше, чем от пуль, солдат вон хороним.

– А по моему полку ничего не слышать, а, Мить? – спросил с надеждой Алексей. – Знать бы, что на Дунае нас оставляют для егерской пограничной службы, так можно было бы и самим начинать для себя казармы строить.

– Нет, по вам пока ещё молчок, – покачал головой друг. – Странно это, конечно, меня такое и самого удивляет. Так-то общее представление уже есть, кому и где далее быть. А вот по вашему полку всё как-то эдак смутно. Я вот три пути сейчас для него вижу. Первый это, как ты только что сказал, – Дунай сторожить, второй – Кавказскую линию с казаками оборонять, ну и самый последний – вообще в Польшу его отправлять. Везде для егерей дело найдётся. Тут турок своими волчьими хвостами пугать, на Кавказе – горцев, а в западных губерниях у нас по лесам бунтовщиков много бродит. Всё никак эта шляхта не успокоится и смуту сеет. Нет-нет, а где-нибудь то наш караул, то малый патруль насмерть посекут, порежут.

– Ладно, Мить, ты если там чего услышишь, предупреди уж меня заранее, чтобы знать, к чему готовиться? – попросил Толстого Алексей. – Сам ведь знаешь – что на Кубанскую линию, что в Польшу путь неблизкий, а у нас тут полкового имущества полсотней повозок не вывезешь. Одно вон только хозяйство Курта чего стоит.

– Ладно, чего уж там, конечно предупрежу, – кивнул, вставая из-за стола, Толстой. – Ты где посты проверять собрался?

– Сегодня в посольском квартале, далеко уже не поеду, – ответил тот. – До Галаца по тракту Хлебников уехал. Завтра поутру Олега Кулгунина провожать в дальний путь. Барон сказал, что тоже будет.

– Да я знаю, – кивнул Толстой. – Тоже с ним в гошпиталь приду. Поднимем, так сказать, настроение на дорожку, – и загадочно хмыкнул.

– Конеч-ечно, поднимешь ему, – проворчал, выходя из шатра под мелкий осенний дождь, Алексей. – У человека вся жизнь разом с этим увечьем поломалась. С армией, со всем привычным ещё с юношества теперь расстанется. Какое уж тут может быть настроение!

– Культю в дороге не ударять, не студить и не мочить, – давал последние указы майору Дементий Фомич. – Как только вы, милейший, на постоянном месте осядете, там дегтярным мылом её уже мойте и ещё отваром тысячелистника каждый день протирайте. Мните обязательно, разглаживайте, дабы застоя внутренних жидкостей в ней не было. Так, что я ещё забыл? Сухим, жёстким полотенцем трите – только, конечно, не само место отсечения, а чуть повыше его. Смотрите, главное, чтобы отёков на культе не было, а то не дай бог загноится! Так-то ничего плохого не должно с ней случиться, она у вас хорошо зажила, но всё же поберечься надо. Нога ваша, голубчик, тоже совсем залечена, тут вопросов никаких нет. У меня всё, ваше превосходительство, – главный армейский врач поклонился генералу-поручику и отошёл в сторону.

– А чего это, господа, мы тут в сумраке майору проводы устроили? – весело спросил стоящих рядом офицеров фон Оффенберг. – Попрошу вас всех выйти из шатра! Пойдёмте, пойдёмте! – поторопил он присутствующих. – А то тут вон какой воздух спёртый, лучше уж на улице под мелким дождиком стоять, чем в госпитальном шатре преть.

Кулгунин вышел вслед за всеми наружу и замер. Перед шатром стояла в строю стрелковая рота из первого батальона во главе с капитаном-поручиком Максимовым. А в голове её замер со знаменем полка весь комендантский pluton. Свежий ветерок, тянущий со стороны Дуная, чуть шевелил намокшее тяжёлое полотнище.

– Смирно! Ружья на караул! Равнение на середину! – рявкнул ротный, выхватил из ножен саблю и отсалютовал ей майору.

Загрохотали дробью барабаны, и фон Оффенберг махнул рукой, подзывая Толстого.

– Именем самодержицы Российской всемилостивой государыни нашей Екатерины Алексеевны за проявленное в боях с неприятелем мужество и отвагу, утверждено ею самолично представление на чин подполковника премьер-майору Кулгунину Олегу Николаевичу, заместителю командира отдельного полка егерей...

– Виват, Екатерина! Ура-а господину подполковнику! – прокричал кто-то из стоящих в толпе офицеров, и тут же громыхнуло оглушительное:

– Ура! Ура! Ура-а!

– Тише! – поднял вверх руку генерал-поручик. – Не всё ещё.

– ...А также за отличие в Дунайских поисках и в Мачинском сражении сей подполковник жалуются государыней орденом Святого князя Владимира четвертой степени с бантом! – и Толстой вложил в руку Кулгунину золотой крест с красной эмалью и бантом из чёрно-красной шелковой ленты.

– ...И носить сей крест кавалеру не снимая! – провозгласил, прикалывая к груди офицера новенький орден, барон. – Красота! Орденами своего полкового командира нагнал, – подмигнул он Егорову. – Очаковский, Измаильский, Святого Георгия, а вот теперь ещё и Владимира. Ну и, разумеется, премиальные для продолжения достойной жизни в каком-нибудь уездном городе тоже прилагаются. Поздравляю, господин подполковник, заслужил! – и он крепко обнял Кулгунина.

Мимо награждённого под барабанный марш топала, разбрызгивая грязь, рота егерей. Сверху моросил осенний ноябрьский дождь, и непонятно было, то ли это его капли, толи скупые слезинки скатывались по щекам офицера.

– Ну что, Олег Николаевич, едь не спеша, – наказывал отставнику Егоров. – Сам видишь, какие нынче дороги. Мой тебе совет – и в Николаеве хоть пару недель отдохни, с дядюшкой Михайло встретиться. Он непременно из Херсона сам приедет и повидаться с тобой захочет. Письма всем раздай, ну и на словах всё нашим расскажешь. Хотя чего тут рассказывать? – пожал он плечами. – Военные действия закончились, и теперь у нас тут скука и самая обычная, караульная служба.

– Да Катарине ведь про это даже и лучше слушать, чем об войне и о ваших подвигах, Алексей Петрович, – усмехнулся Кулгунин. – По вам точно ничего не слышно? Не отпускают пока на побывку?

– Не-ет, какой там! – ответил за полковника Гусев. – Пока мирного договора не будет и все из Ясс не разъедутся, даже и надеяться на отлучку нельзя. Да и потом войска отправлять всем скопом не будут, иначе ведь все дороги обозами забьются. Так что, Олег, ты там наших особо не обнадеживай. Передай им, если полку тут оставаться, то мы за ними сами весной приедем.

– Добро, – кивнул тот. – Алексей Петрович, а может, ну его, может, я всё же лучше в Николаеве или в Херсоне насовсем останусь? Ну чего я тебя там, в Козельске буду обременять?

– Всё ведь уже решили же, Николаевич, – нахмурился Егоров. – О каком обременении вообще может быть речь? Смотри сам, конечно, хочешь – так в Новороссии оставайся, только тут ведь тяжелее тебе будет. Кругом разруха после войны, край едва-едва вот оживать начинает. Где устроишься? А там в Калужском наместничестве тебе все наши помогут обжиться. Тесть Курта, Иван Кузмич, в большие купцы нынче вышел, оборот в сотни тысяч рублей ведёт, торговые караваны в обе столицы отправляет. Связи вот такие у него со всякой властью, – сжал он руки в кулаки. – В имении уже дюжина с нашего полка Потапу Ёлкину помогают, а тот в письмах всё плачется, что устал от ответственности и что начальственного человека над собой ждёт. Ну не хочешь ты хозяйством заниматься, покупай на премиальные деньги домик в Козельске и живи там себе спокойно на подполковничий пенсион. Там тебе на всё его хватит. А вот в столицах и даже в губернском городе на эти десять тысяч не очень-то и обустроишься. Деньги нынче не в той цене, что были перед войной, сам ведь знаешь.

– Да я про столицы и не думал даже, – вздохнув, ответил Кулгунин. – Куда уж мне до столиц. Ладно, съезжу пока в поместье, посмотрю, что да как, – принял он, наконец, решение. – А там уж дальше будет видно. Давайте прощаться, братцы?

Офицеры по очереди стискивали подполковника в объятиях. А в распахнутую Усковым дверь дорожной кареты интендантские в это время загружали узелки с провиантом.

– Прямо с печи горшок! Горячее всё! – Крякнув, старший повар поставил завернутую в старую шинельку посудину.

Кулгунин ещё раз порывисто обнял Алексея и заскочил вовнутрь кареты.

– Прощайте, братцы! Бог даст, ещё увидимся!

Кучер гикнул, и кони взяли резко с места.

– Прощай, Олег! Лёгкой дороги! – неслоь вслед.

Глава 6. Виктория!

– Через час подъедут, у озера они уже! – прокричал драгунский унтер, настёгивая лошадь.

Разъезд кавалеристов поскакал дальше, а из обложенной ветвями и корой деревьев солдатской палатки высыпали егеря.

– Южак, ты со своими вправо, Рябой с Кузькой и Наумом влево ступайте, остальные все тут, в самом центре, через сто шагов каждый встают! – скомандовал Горшков. – Глядим в оба глаза, братцы! Сами знаете, какие важные птицы едут!

– Калюкин, Елисей, да хватит тебе в мешке шарить, пошли, давай! – крикнул Южаков копошащемуся у палатки егерю. – Не слышал – капрал команду дал? Нам ещё версту до своего поворота топать!

– Слышал, слышал, – проворчал Елизар. – Калюкин, Калюкин! Всё им Калюкин! А я, может, опосля ночной смены не выспался и поесть толком не успел. Задрог в этом карауле как Барбос бездомный!

Он высыпал несколько сухарей себе в гренадную сумку, а один поменьше засунул за щёку и, поскальзываясь на ледяной корке тракта, рванул следом за товарищами.

– Ну куды вы так спешите-то, ироды?! Цельный час ведь ещё конвоя нам ждать! – замычал он с набитым ртом.

Снежинки, падая с неба, оседали на шинелях егерей. Декабрь был сырым и ветреным. Уже несколько раз выпавший снег стаивал, и снова открывалась внизу чёрная, непролазная грязь. Двадцатого числа наконец серьёзно подморозило, и старинная разбитая дорога сразу затвердела. Со стороны переправы у Галаца ждали отъезжавшего за указаниями к султану визиря. С ним же должны были прибыть и ещё какие-то важные люди Блистательной Порты. Высокое русское начальство нервничало и бодрило подчинённых. Посты вдоль почтового тракта были усилены, и теперь на каждые три версты вставало своё отдельное егерское капральство, а дорога постоянно объезжалась драгунами.

– Ох, мороз, мороз, не щипай мой нос! – бубнил Южаков, притопывая ногами. – Елисейка! – крикнул он переминающемуся в ста шагах товарищу. – У тебя там повыше маненько, как увидишь поезд, так сразу кричи громче!

– Ла-адно! – донеслось от того еле понятное мычание.

– Ну вот что за человек, всё время чего-нибудь да ломает, – покачал головой Южаков, и перехватив поудобнее фузею, опять затопал ногами. – Ох, мороз, мороз, не щипай мой нос! А иди к той ёлке, где растут иголки...

– Эге-ей! Ванька! – донёсся до него крик соседа. – Показался он! Едет! Едет поезд!

– Ох ты ж ...бушки-воробушки! – выругался Южаков и подпрыгнул повыше, пытаясь рассмотреть дорогу. – Гляди-ка, ну точно ведь едут!

Отщёлкнув курок фузеи, он развернулся спиной к тракту и взял на прицел покрытую лесом восточную сторону.

Всё было тихо. Деревья и кусты стояли облепленные снеговыми шапками. Только недавно тут пробежал дозорный десяток, оглядывая землю, и никаких следов не нашёл, но Ваня уже был опытным егерем и не доверял этой тишине.

– Во-она как в августе с теми иноземцами было, – прошептал он, скользя цепким взглядом по лесу, – тоже ведь до поры до времени тихо лежали злыдни!

С южной стороны послышался топот множества копыт. Повернув голову вбок, Ваня увидел следующую в голове колонны конвойную сотню турецких сипахов и наших драгун. Вслед за ними одна за другой катили с десятков закрытых карет. Колесо одной наехало на рытвину, и прямо на шинель егеря из-под льда плеснуло густой, жирной грязью.

– Ну никак турка не может, чтобы не напакостить, – чертыхнулся он вслед поезду. – Тыфуты! – и зачерпнув в ладонь снег, обтёрся им. – Всё, братцы! Проехали басурмане, пошли к своим!

В центре караульного участка, у самой палатки уже разгоралось пламя костра. Освободившиеся раньше товарищи поставили на камни очага медный котёл, и совсем скоро можно будет согреться свежесваренным травяным чаем.

Последние две недели переговоров в Яссах не были лёгкими для всех участников, каждая сторона пыталась максимально улучшить для себя условия подготавливаемого трактата.

Ясский мирный договор определял границу между Османской и Российской империями по реке Днестр. Блистательная Порта подтвердила действие прежнего Кючук-Кайнарджийского договора и признавала полуостров Крым с Бугско-Днестровским междуречьем за Россией. Документ также гарантировал амнистию христианским подданным султана, поддержавшим русские войска. Стамбул обязывался два года не брать с разорённой войной Молдавии податей и не должен был мешать переселению людей в Россию. Основным препятствием в том, чтобы поставить последние подписи под уже подготовленным документом, была сумма контрибуции, которую должна была уплатить проигравшая войну турецкая сторона.

– Словно на ярмарке торгуются! – рассказывал раскрасневшийся в тепле Толстой. – С четырнадцати миллионов торг начали, Лёшка! Сейчас вот до семи дошли. И всё равно турки не соглашаются. Казна у них дырявая – говорят, дескать, совсем денег у султана нет. Но тут уж наш Безбородко вспылil – не хотите, дескать, нам контрибуцию платить, тогда мы сами к вам в Стамбул со своими полками явимся и эту вашу дырявую казну проверим. Ну не так прямо, конечно, – заметив насмешливый взгляд друга, проговорил он, – а эдак, значит, обходительно, церемонно, как они, эти самые дипломаты, говорить могут. Но суть-то всё равно одна – проиграл войну дурень, значит, плати победителю откупные. В общем, так ни до чего пока и не договорились.

– Да-а, поиздержались османы, – задумчиво промолвил Гусев. – Я, братцы, слышал, что у султана дела совсем плохи. Народ в провинциях сильно голодает, налоги с него никак не вытрясешь. Войска уже скоро год как жалованья не получали и теперь бузят. Верхушка смуты большой и отложения земель от Стамбула боится.

– Ты ещё Селима Третьего, Серёга, пожалей, как там у него всё плохо, – фыркнул Мило-радович. – Воевать с нами не нужно было! Больше года назад, после Фокшан и Рымника, Потёмкин мир ему уже предлагал. Причём, заметь, на более щадящих условиях. Не захотел навстречу идти – ну вот пусть теперь и огребают по полной! А за казну его ты не беспокойся. Он три шкуры с покорённых народов сдерёт и всё равно пополнит её. Только время ему дайте, он ещё и перевооружится, раны зализет, а потом снова с нами будет воевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.